

Карен М. Макматтис

MUST
READ
ПРОЧЕТЬ ВСЕМ

MustRead – Прочестъ всем!

Карен Макманус

Один из нас лжет

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Макманус К. М.

Один из нас лжет / К. М. Макманус — «Издательство АСТ»,
2017 — (MustRead – Прочесть всем!)

ISBN 978-5-17-103778-9

Строгий учитель в наказание оставил пятерых старшеклассников в классе после уроков, но только четверо вышли оттуда живыми. Пятый, Саймон, – школьный изгой, жестоко мстивший своим обидчикам в Интернете, раскрывая их самые неприглядные секреты, – был найден мертвым. Полиция не сомневается в том, что это убийство. Под подозрение попадают все, ведь у каждого есть что скрывать. Но кто из четверых юношей и девушек – убийца? Бронвин – круглая отличница, поступающая в Лигу плюща? Эдди – первая красавица школы, блондинка из рекламы шампуня? Нейт – юный преступник, находящийся на испытательном сроке? Купер – восходящая звезда бейсбола с лицом и фигурой Капитана Америки, кумир девушек? У каждого из них были свои причины избавиться от Саймона. Но кто же пошел на преступление?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-103778-9

© Макманус К. М., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Саймон говорит	6
Глава 1. Бронвин	6
Купер	9
Глава 2. Эдди	13
Нейт	15
Глава 3. Бронвин	18
Купер	22
Глава 4. Эдди	26
Нейт	29
Глава 5. Бронвин	32
Эдди	35
Глава 6. Купер	39
Нейт	42
Глава 7. Эдди	45
Купер	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карен М. Макманус

Один из нас лжет

Karen M. McManus
ONE OF US IS LYING

© Karen M. McManus, 2017
© Jacket design by Alison Impey
© Перевод. М. Б. Левин, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Джеку, который всегда меня смешит

Часть первая. Саймон говорит

Глава 1. Бронвин

Понедельник, 24 сентября, 14.55

Видеозапись чьего-то секса, страх нежелательной беременности, две скандальные измены – и это новости лишь одной недели. Если о школе «Бэйвью-Хай» судить по сплетням в приложении Саймона Келлехера, то непонятно, кто и когда успевает ходить на уроки.

– Это старье, Бронвин! – слышится голос у меня за спиной. – Вот завтра будет пост – бомба.

Черт побери, терпеть не могу, когда меня ловят за чтением «Про Это», особенно когда ловит его создатель. Я убираю телефон и захлопываю шкафчик.

– Кому на этот раз будешь портить жизнь, Саймон?

Саймон догоняет меня, и мы движемся против идущего к выходу потока учеников.

– Оздорабливаю нравы, – отмахивается он. – Кстати, ты тьютор Регги Кроули? А ты знаешь, что у него в спальне стоит камера?

Я и не думаю отвечать. Чтобы я заинтересовалась тем, что происходит в спальне вечно обкуренного Регги Кроули? Скорее у Саймона появится совесть.

– Ну так знай: они направляют ее на себя. Если бы люди вдруг перестали лгать и изменять, я бы остался без дела. – Он замечает, что я ускоряю шаг. – И куда ты так рвешься? Покрыть себя внеклассной славой?

Если бы. И, будто дразня меня, на экране моего телефона появляется напоминание:

Подготовка к матбою, 15 часов, «Эпок-кофе».

За ним сообщение от подружки по команде:

Ивэн здесь.

Конечно же, он там. Похоже, этот симпатичный матбойщик (совсем не такой оксюморон, как можно бы подумать) появляется только тогда, когда я не могу.

– Не совсем, – отвечаю я.

Общее правило, которого я старательно придерживаюсь в последнее время, – давать Саймону как можно меньше информации.

Толкнув зеленую металлическую дверь, мы выходим на заднюю лестницу – разграничительную линию между трущобами старой «Бэйвью-Хай» и ее светлым и просторным новым крылом.

Каждый год новые богатые семьи вырастают из своего ценового диапазона и переезжают на пятнадцать миль восточнее в Бэйвью в расчете, что здесь их налоговые доллары обеспечат их детям школьную жизнь получше той, что разворачивается на драном линолеуме под заляпанными попкорном потолками.

Я дохожу до кабинета мистера Эйвери на третьем этаже, Саймон все еще идет за мной. Я поворачиваюсь, скрестив руки на груди:

– Слушай, ты ведь куда-то шел?

– Ага. Отбывать срок. Оставлен после уроков, – отвечает он и ждет, что я пойду дальше. Когда я берусь за ручку двери, он раздражается хохотом. – Да не может быть! Ты тоже, что ли? За какое преступление?

– Меня подставили, – бормочу я и распахиваю дверь.

В классе уже сидят трое, и я останавливаюсь посмотреть, кто это. Не те, кого я ожидала здесь увидеть. Кроме одного.

Нейт Маколи, ослабившись, отклоняется назад вместе со стулом.

– Не туда свернула? Тут заседают оставленные после уроков, а не школьный совет.

Да, он это место знает. Нейт не вылезает из неприятностей с пятого класса – примерно тогда мы с ним и разговаривали последний раз. Ходит слух, что он отбывает испытательный срок у полиции Бэйвью за... мало ли за что? От пьяного вождения до торговли наркотиками. Все знают, что у него всегда можно купить – впрочем, мои знания чисто теоретические.

– Воздержитесь от комментариев. – Мистер Эйвери что-то отмечает в ведомости и закрывает за Саймоном дверь.

Высокие стрельчатые окна бросают на пол солнечные треугольники, с поля за парковкой доносится неясный шум футбольной тренировки.

Я сажусь рядом с Купером Клеем. Он сминает лист бумаги в шар величиной с бейсбольный мяч, шепчет: «Эдди, внимание!» – и бросает его девушке напротив. Эдди Прентис моргает, неуверенно улыбается, и шарик падает на пол.

Стрелки часов в классной комнате ползут к трем. Я смотрю на них с беспомощным ощущением несправедливости. Мне здесь вообще не место. Сейчас я должна находиться в «Эпокофе» и неуклюже флиртовать с Ивэном Нейманом, заодно решая дифференциальные уравнения.

Мистер Эйвери – из тех, кто оставляет после уроков, не задавая вопросов, но, быть может, еще есть время его переубедить. Прокашлявшись, я поднимаю руку, но замечаю, как Нейт ухмыляется.

– Мистер Эйвери, это не мой телефон вы нашли. Я не знаю, кто положил его мне в рюкзак. Мой вот. – Я трясую своим айфоном в полосатом, как дыня, футляре.

Честно говоря, надо быть полным идиотом, чтобы принести на урок мистера Эйвери телефон. Он убежденный противник всяких гаджетов и первые десять минут каждого урока посвящает перетряхиванию рюкзаков, будто он начальник службы безопасности аэропорта, а мы – в списке подозрительных личностей. Мой телефон лежал у меня в шкафчике, как всегда.

– И у тебя? – Эдди так быстро оборачивается ко мне, что ее светлые волосы – живая реклама шампуня – заворачиваются вокруг плеч. Чтобы она оказалась здесь одна, ее надо было хирургически отделить от ее бойфренда. – И у меня оказался не мой телефон.

– И у меня тоже, – раздается голос Купера с южным акцентом.

Они с Эдди обмениваются удивленными взглядами, и мне кажется странным, что для них стало новостью нахождение в одной компании. Видимо, у суперпопулярных людей есть занятия получше, чем обсуждать несправедливое наказание.

– Кто-то нас подставил! – Саймон наклоняется вперед, опираясь локтями о стол, будто в нем взведена пружина, готовая выбросить свежую сплетню. Он оглядывает нас, сбившихся в кучку в пустом классе, потом задерживает взгляд на Нейте. – Зачем кому-то надо было оставлять после уроков учеников с абсолютно чистыми личными делами? Как будто, ну не знаю... кто-нибудь, кто постоянно тут торчит, решил пошутить.

Я смотрю на Нейта, но не могу в это поверить. Подстроить задержание – это все-таки работа, а в Нейте все – от спутанных темных волос до жуткого кожаного пиджака – просто кричит: «Не трогайте меня!» Или не кричит, а зевает.

Мы встречаемся взглядами, но он не произносит ни слова, лишь еще больше отклоняется назад вместе со стулом. Еще полдьюма – и он опрокинется.

Купер садится прямее. У него сейчас лицо прямо как у Капитана Америки. Он хмурится.

– Пойдите. Я думал, что это путаница, но если одно и то же случилось со всеми нами, то это чье-то дурацкое представление о розыгрыше. А я из-за этого *тренировку по бейсболу* пропускаю. – С такими интонациями мог бы говорить кардиохирург, которого не пускают в операционную спасать больного.

Мистер Эйвери закатывает глаза.

– Конспирологию оставьте для других учителей, со мной не пройдет. Всем вам известно правило, запрещающее наличие телефонов во время урока, и вы его нарушили. – Особенно едкий взгляд достается Саймону.

Учителя знают о существовании «Про Это», но мало что могут сделать. Саймон обозначает своих героев только инициалами и никогда не говорит о школе открыто.

– Теперь внимание! Вы пробудете здесь до четырех. Каждый из вас должен написать эссе на пятьсот слов о том, как технологии разрушают американское школьное образование. Всякий, кто этого не сделает, завтра опять будет оставлен после уроков.

– А на чем писать? – спрашивает Эдди. – Тут же нет компьютеров.

В классах обычно стоят «Хромбуки», но мистер Эйвери, которому надо было бы уйти на пенсию еще лет десять назад, у себя такого не допускает. Он подходит к столу Эдди и похлопывает по углу линованного желтого блокнота. Такие же лежат перед каждым из нас.

– Овладейте магией ручного письма, – говорит он. – Есть такое утраченное искусство.

Хорошенькое личико Эдди превращается в маску непонимания.

– Но как мы узнаем, что уже написали пятьсот слов?

– Посчитаете, – отвечает мистер Эйвери и переводит глаза на телефон, который я держу в руках. – А это отдайте мне, мисс Рохас.

– Может быть, вы секунду подумаете, прежде чем конфисковать мой телефон *дважды*? Кто носит с собой два телефона? – возмущаюсь я.

Нейт усмехается, но так мимолетно, что я едва успеваю это заметить.

– Серьезно, мистер Эйвери, кто-то нас подставил.

Белоснежные усы мистера Эйвери шевелятся в досаде, он протягивает руку и нетерпеливо перебирает пальцами:

– *Ваш телефон*, мисс Рохас. Если не хотите прийти еще раз.

Я вздыхаю и отдаю телефон, а мистер Эйвери неодобрительно смотрит на остальных:

– Все ваши телефоны лежат у меня в столе. Когда кончится срок пребывания, вы их получите.

Эдди и Купер с усмешкой переглядываются – их телефоны наверняка спокойно лежат у них в рюкзаках.

Мистер Эйвери кидает мой телефон в ящик, садится за учительский стол и открывает книгу, собираясь в течение следующего часа нас игнорировать. Я достаю ручку, постукиваю ею по желтому блокноту и думаю над заданием. Действительно ли мистер Эйвери считает, что техника разрушает систему образования? Очень уж сильное заявление из-за нескольких отобранных телефонов. Может, это ловушка и он ждет от нас возражений, а не согласия?

Я смотрю на Нейта. Он согнулся над блокнотом и пишет в нем печатными буквами: «Компьютеры высасывают», повторяя эту фразу раз за разом.

Возможно, я слишком серьезно подхожу к этому вопросу.

Купер

Понедельник, 24 сентября, 15.05

Рука начинает болеть уже через пару минут. Стыдно, конечно, но я не могу припомнить, когда в последний раз что-то писал от руки. К тому же я работаю правой, что для меня все еще непривычно, сколько бы лет я это ни делал. Отец еще во втором классе, увидев мою подачу, настоял, чтобы я научился писать правой рукой. «Левая у тебя золотая, – сказал он мне. – И не трать ее на всякую ненужную ерунду». Ерунда с его точки зрения – все, что не связано с бейсболом.

Вот тогда он и стал называть меня Куперстауном – как бейсбольный зал славы. Нет ничего приятнее, чем слегка надавить на восьмилетнего ребенка.

Саймон тянется к рюкзаку и начинает в нем копать, открывая все отделы. Ставит его себе на колени и таращится внутрь.

– Куда, к черту, делась моя бутылка с водой?

– Не разговаривать, мистер Келлехер, – говорит мистер Эйвери не глядя.

– Я знаю, но... у меня вода пропала. А я пить хочу.

Мистер Эйвери показывает на раковину в конце класса. Полка возле нее загромождена мензурками и чашками Петри.

– Налейте себе воды. *Без шума.*

Саймон встает, берет с полки чашку и наполняет ее водой из-под крана. Потом направляется к своему месту и ставит чашку на стол, но тут его внимание привлекает методическое письмо Нейта.

– Слышь, чувак, – произносит он, толкнув кроссовкой ножку стола, – давай серьезно. Это ты положил нам в рюкзаки телефоны, чтобы нас подставить?

Мистер Эйвери поднимает недовольный взгляд.

– Я сказал: «без разговоров», мистер Келлехер.

Нейт выпрямляется, откидываясь на спинку стула, и складывает руки на груди.

– На фига это мне?

Саймон пожимает плечами:

– А на фига ты вообще все делаешь? Хочешь, чтобы у тебя была компания по отсидке за то, что ты сегодня наворотил?

– Еще одно слово от любого из вас – и останетесь после уроков завтра, – предупреждает мистер Эйвери.

Саймон все же открывает рот, но не успевает ничего сказать: слышится визг шин, потом звук столкновения автомобилей.

Эдди ахает, я падаю на стол, будто кто-то врезался в меня сзади. Нейт, радуясь перерыву, первый вскакивает и бросается к окну.

– Что за идиоты? Так поцеловаться на школьной парковке! – кричит он.

Бронвин смотрит на мистера Эйвери, будто спрашивая разрешения, и, когда тот встает из-за стола, тоже идет к окну. Я прислоняюсь к выступу, чтобы выглянуть наружу, и рядом со мной возникает Саймон, презрительно смеясь при виде произошедшей внизу сцены.

Две машины – старая красная и незаметная серая – столкнулись под прямым углом. Мы все палимся молча, и наконец мистер Эйвери издает усталый вздох.

– Мне надо пойти проверить, не пострадал ли кто. – Он обводит нас взглядом и останавливается на Бронвин как на наиболее ответственной. – Мисс Рохас, проследите за порядком, пока я не вернусь.

– О'кей, – отвечает Бронвин, бросив беспокойный взгляд в сторону Нейта.

Мы все остаемся у окна, но не успевает мистер Эйвери или кто-нибудь из учителей выйти из здания, как обе машины заводят моторы и уезжают со стоянки.

– Ну вот, обломали, – говорит Саймон. Он идет к своему столу и берет чашку, но не садится, а выходит к доске, рассматривая Периодическую таблицу элементов. Выглядывает в коридор, будто хочет выйти, но потом поворачивается и поднимает чашку, словно собираясь произнести тост. – Никто больше воды не хочет?

– Я хочу, – отвечает Эдди, опускаясь на свое место.

– Сама возьмешь, принцесса, – ухмыляется Саймон.

Эдди закатывает глаза и остается сидеть, а Саймон прислоняется к столу мистера Эйвери.

– Ведь и правда же принцесса? И куда тебе деваться, если бал встречи с выпускниками закончен, а до выпускного бала еще дожить надо?

Эдди смотрит на меня, не отвечая. Я ее понимаю. Ход мысли Саймона почти никогда ни к чему хорошему не приводит, если дело касается наших друзей. Он ведет себя так, будто его совершенно не интересует мнение о нем других учеников, но весной на балу предвыпускного класса он таки попал в члены королевского двора. Я не знаю, как ему это удалось – разве что он покупал голоса в обмен на сохранение тайны.

Однако неделю назад на балу встречи с выпускниками Саймона среди придворных не оказалось. Королем выбрали меня, так что, может, я следующий, кого он будет доставать.

– Ты это к чему, Саймон? – спрашиваю я, садясь рядом с Эдди. Мы с ней не близкие друзья, но я почему-то чувствую необходимость ее защитить. Она с девятого класса встречается с моим лучшим другом и вообще приятная девушка. И не из тех, кто умеет противостоять типам вроде Саймона, которые просто так не отстанут.

– Она – принцесса, ты – спортсмен, – говорит он, потом указывает кивком в сторону Бронвин и Нейта. – А ты – вундеркинд-зубрила. А ты – хулиган. Вы все – ходячие стереотипы из фильмов для подростков.

– А ты? – интересуется Бронвин.

Она стояла возле окна, но сейчас подходит к своему столу, садится на него, закидывает ногу на ногу и перебрасывает через плечо хвост. Как-то посимпатичнее она стала в этом году. Новые очки, что ли? Или волосы длиннее? Она вдруг перешла в режим секси-зубрилы.

– Я всеведущий повествователь, – отвечает Саймон.

У Бронвин брови поднимаются над черной оправой очков.

– Такого в подростковых фильмах не бывает.

– А вот в жизни, – Саймон подмигивает ей и выпивает воду одним глотком, – бывает, Бронвин, еще как бывает.

Он произносит это как угрозу, и я думаю, нет ли у него чего на Бронвин для его дурацкого приложения. Терпеть не могу эту гадость. Почти все мои друзья в тот или иной момент там отметились, и иногда это создает реальные проблемы. Моего приятеля Льюиса из-за того, что написал Саймон, бросила девушка. Ну да, это правда, что у Льюиса была интрижка с ее двоюродной сестрой, но такие вещи все равно не должны публиковаться. И без того хватает сплетен.

И, если честно, меня сильно беспокоит, что бы Саймон написал обо мне, если бы такая мысль вдруг пришла ему в голову.

Саймон поднимает чашку вверх и морщится.

– Ну и дерьмо же! – говорит он и роняет чашку.

Я закатываю глаза при виде этой убогой театральщины. И даже когда Саймон падает на пол, все еще думаю, что он валяет дурака. Но тут он начинает хрипеть.

Первой вскакивает Бронвин.

– Саймон! – Она склоняется к нему и трясет его за плечо. – Что с тобой? Что случилось? Говорить можешь?

Ее голос из озабоченного становится паническим, и этого достаточно, чтобы я начал действовать, но Нейт оказался проворнее. Задев меня на ходу, он подбегает к Бронвин и наклоняется над Саймоном.

– Ручка! – кричит он, рассматривая побагровевшее лицо Саймона. – Ручка у тебя есть?

Саймон бешено кивает, хватаясь рукой за горло. Взяв со своего стола ручку, я пытаюсь дать ее Нейту, думая, что он сейчас сделает Саймону трахеотомию или что-то в этом роде. Нейт смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

– Адреналиновая ручка, – объясняет он, ища глазами рюкзак Саймона. – Шприц-тюбик с адреналином, «ЭпиПен». У него аллергическая реакция.

Эдди вскакивает, не говоря ни слова, и обхватывает себя руками. Бронвин поворачивается ко мне, лицо у нее горит.

– Пойду найду кого-нибудь из учителей и позвоню «девять-один-один». Ты оставайся с ним, о'кей? – Она хватает свой телефон с учительского стола и выбегает в коридор.

Я склоняюсь к Саймону. Глаза у него лезут из орбит, губы посинели, он задыхается и жутко хрипит. Нейт вываливает на пол содержимое его рюкзака и копается в куче книг, бумаг и одежды.

– Саймон, где ты его держишь? – спрашивает он, рывком открывая небольшой передний карман и выгребая оттуда две ручки и связку ключей.

Но Саймон не может ответить. Вспотевшей рукой я стискиваю его плечо, будто от этого может быть польза.

– Нормально, все будет нормально. Помощь уже идет.

Я сам слышу, как тяну гласные, будто пробираюсь сквозь патоку. У меня всегда при волнении усиливается акцент. Я оборачиваюсь к Нейту:

– Слушай, а ты уверен, что он не подавился? Может, ему поможет прием Геймлиха, а не какой-то дурацкий шприц?

Нейт меня не слушает. Он бросает пустой рюкзак Саймона и в досаде бьет по полу кулаком:

– Блин! Саймон, ты его с собой носишь? Саймон!

У Саймона закатились глаза. Нейт копается в его карманах, но ничего не находит, кроме измятой салфетки «Клинекс».

Вдали режут сирены, в кабинет вбегают мистер Эйвери и еще двое учителей, за ними Бронвин, что-то говорящая в телефон.

– Мы не нашли его «ЭпиПен»! – выкрикивает Нейт, показывая на кучу барахла на полу.

Мистер Эйвери с ужасом смотрит на Саймона, потом поворачивается ко мне:

– Купер! В медпункте есть «ЭпиПены». Должны лежать на виду, с маркировкой. *Быстрее!*

Я выскакиваю в коридор, голоса за мной стихают. Я добегаю до черной лестницы и рывком распахиваю дверь. Перепрыгивая через две ступеньки, добегаю до первого этажа, не снижая скорости, огибаю несколько случайно попавшихся учеников и оказываюсь у медпункта. Дверь открыта, но внутри никого нет.

Под окнами тесного кабинета стоит смотровой стол, слева – большой серый шкаф. Я оглядываю помещение и вижу два закрепленных на стене белых ящика с надписями красными печатными буквами: на одном значится «Дефибриллятор», на другом – «Адреналин», дергаю задвижку второго ящика и открываю дверцу – пусто. Открываю другую – там пластиковый прибор с изображением сердца. Я совершенно уверен, что это не то, что нужно, и начинаю копаться в сером шкафу, выбрасывая из него коробки бинтов и аспирина. Ничего похожего на шприцы.

– Купер, ты нашел? – В кабинет влетает мисс Грейсон – одна из тех, кто вошел в кабинет мистера Эйвери вместе с Бронвин. Она тяжело дышит и держится за бок.

Я показываю рукой на пустой ящик на стене.

– Они же должны быть там? Но их там нет.

– Посмотри в шкафу, – говорит она, не обращая внимания на разбросанные коробки – доказательство того, что я уже сделал попытку.

К нам присоединяется еще один учитель, вместе мы разносим весь кабинет. Сирены звучат все ближе. Когда мы открываем последний ящик, мисс Грейсон тыльной стороной ладони вытирает со лба струйку пота.

– Купер, иди и скажи мистеру Эйвери, что мы пока не нашли шприц. А мы с мистером Контосом будем искать дальше.

Я оказываюсь в коридоре перед кабинетом мистера Эйвери одновременно с парамедиками. Их трое, все в синей униформе. Двое толкают белую каталку, один бежит впереди, разгоняя собравшуюся толпу. Они входят в класс, я вслед за ними. Мистер Эйвери сидит, поникнув, на стуле рядом с классной доской, его желтая рубашка выбилась из брюк.

– Мы не нашли эти штуки, – сообщаю я ему.

Он запускает руку в редкие белые волосы. Тем временем один из парамедиков вгоняет Саймону шприц, двое других кладут его на каталку.

– Помоги боже этому мальчику, – шепчет мистер Эйвери. Наверное, скорее себе, чем мне.

Эдди стоит в сторонке, слезы текут по ее щекам. Я подхожу к ней, обнимаю за плечи, а парамедики вывозят каталку с Саймоном в коридор.

– Можете пойти с нами? – уточняет один из них у мистера Эйвери.

Тот кивает и идет за ними, оставив в классе несколько оглушенных учителей и нас четверых – тех, кто пришел вместе с Саймоном отбывать наказание. Это было всего пятнадцать минут назад, а кажется – много часов.

– Теперь его вылечат? – приглушенно спрашивает Эдди.

Бронвин зажимает телефон в ладонях, будто собирается молиться. Нейт стоит, уперев руку в бок, и смотрит на дверь, в которую начинают заходить учителя и ученики.

– Рискну предположить, что нет, – отвечает он.

Глава 2. Эдди

Понедельник, 24 сентября, 15.25

Бронвин, Нейт, Купер – все говорят с учителями, а я не могу. Мне нужен Джейк. Я вытаскиваю телефон, чтобы написать ему сообщение, но руки слишком дрожат, и я вместо этого звоню.

– Детка? – Он берет трубку на втором гудке, голос у него удивленный. Мы редко звоним, и наши друзья тоже. Иногда, когда я бываю с Джейком и у него звонит телефон, он берет его и шутит: «Что означает «входящий звонок»?»

Обычно это его мама.

– Джейк... – выдавливаю я и больше ничего уже не могу сказать, потому что начинаю реветь.

Купер обнимает меня за плечи, и только поэтому я не падаю. Я рыдаю так, что говорить совершенно невозможно, и Купер берет у меня телефон.

– Привет, это я, Купер, – произносит он, и его акцент усиливается. – Ты где? – Он несколько секунд слушает. – Ты можешь нас встретить на улице? Тут... неприятный случай. Эдди очень расстроена. Нет, с ней ничего, но... Саймон Келлехер тут в классе, где оставленные сидят... что-то с ним случилось. Его «Скорая» увезла, и непонятно, что будет дальше.

Слова Купера смешиваются друг с другом, как тающее мороженое, и я с трудом его понимаю.

Бронвин оборачивается к ближайшему учителю – это оказывается мисс Грейсон:

– Нам оставаться здесь? Мы вам нужны?

Мисс Грейсон подносит к горлу дрожащую руку.

– Боже мой! Думаю, что нет. Вы парамедикам все рассказали? Саймон выпил воды – и упал? – Бронвин и Купер кивают. – Как странно. У него, конечно, есть аллергия на арахис, но... вы уверены, что он ничего не ел?

Купер отдает мне мой телефон и запускает пальцы в коротко стриженные светлые волосы.

– Не думаю. Он просто выпил чашку воды и упал.

– Может быть, он на ланч что-то такое съел, – предполагает мисс Грейсон. – Возможно, у него была запоздалая реакция. – Она смотрит на брошенную Саймоном на полу чашку. – Наверное, ее надо убрать куда-нибудь. – Она проходит мимо Бронвин и берет чашку. – Она может понадобиться.

– Я хочу уйти, – выпаливаю я, размазывая слезы по щекам. Больше ни секунды не могу здесь выдержать.

– Ничего, если я ей помогу? – спрашивает Купер, и мисс Грейсон кивает. – Мне потом вернуться?

– Нет, Купер, не беспокойся. Конечно, если надо будет, тебя позовут. Поезжай домой и попытайся успокоиться. Саймон сейчас в надежных руках. – Она наклоняется чуть ближе и говорит мягче: – Я вам очень сочувствую. Это было ужасно, я понимаю.

Но смотрит она в основном на Купера. В «Бэйвью» нет ни одной учительницы, которая могла бы устоять перед его шармом – таким американским.

Купер все время обнимает меня за плечи, и мне это нравится. У меня нет брата, но если бы он был, то именно так он должен был бы обращаться со мной в трудную минуту. Джейк не любит, когда его друзья слишком близко ко мне подходят, но против Купера не возражает – он джентльмен. Я прижимаюсь к нему, мы проходим мимо афиши бала, еще не снятой с прошлой недели. Купер толчком открывает входную дверь, и – слава богу – там стоит Джейк. Я падаю ему в объятия, и на секунду все становится хорошо.

Я никогда не забуду, как увидела его в первый раз, еще в девятом классе: у него был полный рот брекетов, и он тогда еще не был ни высоким, ни широкоплечим, но я только взглянула на эти ямочки и синие, как летнее небо, глаза – и *поняла*: он создан для меня. А то, что он оказался еще и красивым, – приятный бонус.

Он гладит меня по волосам, а Купер тихо рассказывает ему, что случилось.

– Бедняжка Эдс, – говорит Джейк. – Это ужас. Давай я отвезу тебя домой.

Купер остается один, и мне вдруг становится жаль, что я больше ничего для него не сделала. По его голосу слышно, что произошедшее потрясло его не меньше, чем меня, просто он лучше это скрывает. Но Купер просто золото, он со всем может справиться. Его девушка, Кили, – одна из моих лучших подруг, и она все всегда делает правильно. Всегда точно знает, как помочь. Куда лучше меня.

Я устраиваюсь в машине Джейка и смотрю, как мелькает за окном город – Джейк едет чуть быстрее, чем следует. От школы до моего дома всего милья, и ехать недолго, но я собираюсь с духом в ожидании маминой реакции, потому что уверена: она уже все слышала. Ее каналы информации загадочны, но очень надежны, и когда Джейк выезжает на подъездную дорожку, она стоит на крыльце.

Я читаю ее настроение даже сквозь ботокс, заморозивший ее лицо много лет назад.

Дождавшись, пока Джейк откроет мою дверь, я вылезаю из машины, как всегда, пристраиваясь у него под рукой. Моя старшая сестра Эштон любит пошутить, что я напоминаю ракушку, которая прилипает к кораблю намертво, и если ее оторвать, она умрет. На самом деле это не так уж смешно.

– Аделаида! – Мамин озабоченный голос звучит театрально. Когда мы поднимаемся по ступеням, она протягивает руку и гладит меня по плечу. – Расскажи мне, что случилось.

Я не хочу рассказывать. Тем более в дверях маячит мамин бойфренд, выдавая свое любопытство за сочувственную тревогу. Джастин моложе мамы на двенадцать лет, то есть на пять лет моложе ее второго мужа и на пятнадцать – моего папы. Если так и дальше пойдет, скоро она начнет встречаться с Джейком.

– Все нормально, – бормочу я, пригнувшись и проскальзывая мимо них. – Все в порядке.

– Здравствуйте, миссис Калловой, – произносит Джейк – мама носит фамилию второго мужа, а не моего папы. – Я отведу Эдди в ее комнату. Это было ужасно. Я ее устрою, вернусь и все вам расскажу.

Меня всегда поражает, как Джейк разговаривает с моей матерью. Как будто они ровесники. И она ему это спускает. Ей это *нравится*.

– Ну конечно, – воркует она с дурацкой улыбкой.

Мама считает, что Джейк для меня слишком хорош. Она твердит мне это с десятого класса, когда он стал потрясающим парнем, а я осталась такой, как была. Мама всегда отправляла нас с Эштон на всякие конкурсы красоты и всегда с одним и тем же результатом – второе место. Принцесса бала, но не королева. Не так уж плохо, но недостаточно хорошо, чтобы привлечь и удержать мужчину, который всю жизнь будет о тебе заботиться.

Я не уверена, что это когда-либо формулировалось как *цель* или что-то в этом роде, но именно этого от нас ждут. У матери не вышло. Эштон два года назад выскочила замуж за человека, которого вышибли из школы права и который почти не проводит с ней время. Что-то не складывается у девиц Прентис.

– Прости, – тихо говорю я Джейку, который ведет меня наверх. – Я не справилась. Видел бы ты Бронвин или Купера – они держались как надо. А Нейт – боже мой! Никогда бы не подумала, что он может взять на себя инициативу. Только от меня никакого толку не было.

– Ну-ну, не говори так, – утешает меня Джейк. – Это неправда.

Тон у него непререкаемый, потому что он отказывается видеть во мне что-либо, кроме самого лучшего. Если это когда-нибудь изменится – честно, я не знаю, что тогда буду делать.

Нейт

Понедельник, 24 сентября, 16.00

Мы с Бронвин выходим на опустевшую парковку и в нерешительности останавливаемся. Я знаю ее с детского сада, плюс-минус сколько-то среднешкольных лет, хотя мы не дружим. Но мне сейчас совсем не странно находиться в ее обществе. С ней довольно комфортно после случившегося.

Она оглядывается, будто только сейчас проснулась.

– Я же не на машине, – бормочет она. – Меня же должны были подвезти до «Эпок-кофе». – Что-то в ее интонации наводит на мысль, что это важное дело. Будто она недоговаривает.

У меня назначена деловая встреча, но сейчас, наверное, не время.

– Тебя подвезти?

Бронвин следит за моим взглядом и видит мой мотоцикл.

– Ты серьезно? Я на твою колесницу смерти не сяду даже за деньги. Ты знаешь статистику случаев со смертельным исходом? Я серьезно. – Вид у нее такой, будто она сейчас вытащит таблицу и покажет ее мне.

– Как хочешь.

Надо бы оставить ее и ехать домой, но я еще не готов для встречи с *этим*. Прислонившись к стене, я достаю из кармана фляжку «Джим Бима» и, открутив крышку, протягиваю Бронвин:

– Выпьешь?

Она скрещивает руки на груди.

– Это ты так шутишь? Какая блестящая мысль – перед тем, как забраться на эту машину смерти? И на территории школы?

– А ты знаешь, что ты смешная?

На самом деле я не очень много пью. Фляжку я забрал сегодня утром у отца и забыл про нее. Но почему-то мне приятно дразнить Бронвин.

Я уже готов убрать фляжку в карман, но тут Бронвин морщит лоб и протягивает руку.

– А, черт... Почему бы и нет? – Она прислоняется спиной к стене рядом со мной и сползает на землю.

Почему-то мне вспоминается начальная католическая школа – мы с Бронвин ходили в нее вместе – до того, как жизнь полетела ко всем чертям. Все девочки там носили клетчатые форменные юбки, и сейчас на ней похожая, она слегка задирается на бедрах, когда Бронвин кладет ногу на ногу. Выглядит неплохо.

Она пьет неожиданно долго.

– Так что... это... было? – Она переводит дыхание.

Я сажусь рядом, беру у нее фляжку, кладу на землю между нами.

– Понятия не имею.

– Вид у него был такой, будто он сейчас умрет. – У Бронвин так трясется рука, когда она снова берет фляжку, что та стучит о землю. – Тебе не показалось?

– Ага.

Бронвин еще раз прикладывается к фляжке и морщится.

– Бедняга Купер, – вздыхает она. – Говорил сегодня так, будто вчера приехал из Миссисипи. С ним всегда так, когда он волнуется.

– Я не замечал. А вот от этой, как ее там, совершенно толку не было.

– *Ее зовут Эдди!* – Бронвин толкает меня плечом. – Должен был бы знать ее имя.

– Почему? – Я не могу придумать причину. Мы с этой девчонкой едва ли до сих пор сталкивались и вряд ли столкнемся еще. И я уверен, что нас обоих это более чем устраивает. Я

знаю этот тип. В голове ни одной мысли, кроме как о своем бойфренде и мелком соперничестве с подружками. Мордашка симпатичная, не спорю, но больше ей предложить нечего.

– Потому что мы вместе пережили серьезную психологическую травму, – отвечает Бронвин так, будто это снимает все вопросы.

– Слушай, сколько же у тебя правил!

Я забыл, насколько Бронвин *утомительна*. Даже в младших классах количество предметов, которыми она занималась каждый день, нормального человека уложило бы в постель. Она вечно старалась к чему-нибудь примкнуть или начать что-то, к чему примкнули другие. А потом курировала то, к чему примкнула, или что начала сама.

Но она, надо отдать ей должное, не зануда.

Мы молча сидим, наблюдая, как с парковки уезжают последние машины, и Бронвин время от времени потягивает из фляжки. Наконец я беру у нее фляжку и удивляюсь тому, насколько же она опустела. Вряд ли Бронвин привычна к крепкому спиртному. Она скорее из тех девушек, которые пьют вино. Если вообще пьют.

Я кладу фляжку в карман, а Бронвин осторожно берет меня за рукав.

– Знаешь, я хотела тебе сказать, тогда, когда случилось... когда твоя мама... я тебе очень сочувствую. – Она запинается. – У меня дядя тоже погиб в аварии, примерно в это же время. Я хотела тебе что-нибудь сказать тогда, но ведь мы с тобой, мы же не слишком... – Она замолкает, не найдя слов, но ее ладонь все еще лежит на моей руке.

– Все нормально. Насчет дяди – сочувствую.

– Ты очень по ней скучаешь?

О матери я говорить не хочу.

– А быстро сегодня «Скорая» приехала, да?

Бронвин слегка краснеет и убирает руку, но резкую смену разговора принимает.

– Откуда ты знал, что надо делать? Для Саймона?

Я пожимаю плечами.

– Все знают, что у него аллергия на арахис. Именно так и надо было действовать.

– Я не знала, что шприц называется ручкой. – Она фыркает и смеется. – А Купер тебе ручку дал! Будто ты ему сейчас записку писать будешь, о господи! – Она так сильно ударяется головой о стену, что я невольно думаю, не треснуло ли у нее что-нибудь. – Мне надо ехать домой. Это все как минимум непродуктивно.

– Предложение подвезти остается в силе.

Я не жду, что она его примет, но она отвечает:

– А почему бы и нет? – И протягивает руку.

Она спотыкается, когда я помогаю ей встать. Я не думал, что через пятнадцать минут алкоголь так подействует, но, видимо, недооценил фактор малого веса Бронвин Рохас. Надо было раньше забрать фляжку.

– Где ты живешь? – спрашиваю я, садясь в седло и вставляя ключ зажигания.

– Торндайк-стрит. Пара миль отсюда. Через центр, свернуть на Стоун-Вэлли-террас после «Старбакса».

Богатый район. А как же! Обычно я на своем байке никого не вожу, и второго шлема у меня нет, так что я отдаю ей свой. Бронвин берет его, и мне приходится усилием воли отвести глаза от голой кожи ее бедра, когда она устраивается, поправляя юбку. Она обнимает меня сзади – слишком крепко, но я молчу.

– Ты только медленно, ладно? – просит она нервно, когда я завожу мотор.

Мне было бы приятно ее еще немного поподкалывать, но вместо этого я выезжаю с парковки вдвое медленнее обычного. И тут она, хоть я и не думал, что это возможно, сжимает меня еще крепче. Так мы и едем – ее голова в шлеме прижата к моей спине, и я бы поспорил

на тысячу долларов (если бы у меня она была), что глаза у нее были крепко закрыты до тех пор, пока мы не подъехали к ее дому.

Дом как раз такой, как я и ожидал, – большой, викторианский, с просторной лужайкой и группами незнакомых мне деревьев и цветов. Перед домом стоит внедорожник «Вольво», и мой байк – в приступе великодушия можно назвать его классическим – выглядит рядом с ним так же нелепо, как Бронвин – у меня за спиной. Вот бывают вещи, друг с другом не сочетаемые.

Бронвин слезает с мотоцикла и пытается снять шлем. Я расстегиваю его и помогаю стянуть с ее головы, освободив запутавшуюся в застёжке прядь волос. Бронвин делает глубокий вдох и переводит дыхание, поправляя юбку.

– Это была жуть, – говорит она и вздрагивает от телефонного звонка. – Где мой рюкзак?

– У тебя на спине.

Она сбрасывает его и выдергивает из кармана телефон.

– Да? Да, могу... да, это Бронвин. Вы... Боже мой! Это точно? – Она разжимает руку, и рюкзак падает на траву. – Спасибо, что позвонили. – Бронвин опускает руку с телефоном и смотрит на меня, глаза у нее испуганные и блестящие. – Нет, его больше нет, – говорит она. – Саймон умер.

Глава 3. Бронвин

Вторник, 25 сентября, 8.50

Я все считаю, считаю и никак не могу перестать. Сейчас вторник, восемь пятьдесят. Двадцать четыре часа назад Саймон входил в нашу классную комнату в последний раз в жизни. Через шесть часов пять минут после этого мы шли отбывать свой час после уроков. Через час он был мертв.

В семнадцать лет.

Я опускаюсь на стул в дальнем углу классной комнаты, чувствуя, как при этом двадцать пять голов поворачиваются в мою сторону. Даже без приложения «Про Это» вчера к вечеру весть о смерти Саймона разлетелась по школе. Мне приходили сообщения от всех, кому я когда-нибудь давала свой телефон.

– Ты как, нормально? – Это моя подруга Юмико. Она тянется ко мне и стискивает мне руку.

Я киваю, но от этого в голове начинает стучать еще сильнее. Оказывается, полфляжки бурбона на пустой желудок – крайне неудачная мысль. К счастью, мои родители еще были на работе, когда Нейт меня привез, а моя сестра Мейв сумела влить в меня достаточно черного кофе, чтобы к их приезду я уже была полувменяемой. Все остаточные эффекты списали на психологическую травму.

Звенит первый звонок, но треск динамика, который обычно выдает утренние объявления, не слышен. Вместо этого наш классный руководитель миссис Парк прокашливается и встает из-за стола. Сжимая дрожащей рукой листок бумаги, она начинает читать:

– Администрация школы «Бэйвью-Хай» заявляет следующее: «Мы с глубоким прискорбием вынуждены сообщить печальную новость. Вчера у вашего соученика Саймона Келлехера случился сильный приступ аллергии. Медицинская помощь была вызвана сразу же и приехала быстро, но все же, к несчастью, слишком поздно. Вскоре после госпитализации Саймон Келлехер скончался».

По классу проносится тихий шепот, кто-то всхлипывает. Половина класса уже вытащила телефоны. Правила сегодня к чертям, похоже. Не успев подумать, я достаю из рюкзака телефон и открываю «Про Это». Я ожидаю найти горячую новость, которой вчера хвастался Саймон, но, естественно, там только новости прошлой недели.

Наш любимый обдолбанный ударник пробует себя в киносъемке. Р. К. установил у себя в спальне камеру и собирается показывать новые фильмы своим друзьям. Девушки, я вас предупредил (увы, для К. Л. это слишком поздно).

Все были свидетелями легкого флирта между девушкой мечты сумасшедшего пикси Т. К. и новым богатым мальчиком Г. Р., но кто знал, что между ними может быть что-то большее? Уж точно не ее бойфренд, который сидел, ничего не зная, на трибуне, пока Т. К. хорошо разогревалась прямо под ним. Сочувствую, Д. Д. Всегда все узнаешь последним.

Интересная штука с этим «Про Это»: всегда можно было поручиться, что каждое слово в нем правда. Саймон состряпал это приложение в десятом классе, побывав на весенних каникулах в лагере кодировщиков в Кремниевой долине, и писать туда мог только он. Источники у него были по всей школе, и он очень тщательно выбирал, что публиковать, а что нет. Герои обычно отрицали свою причастность или делали вид, что не в курсе, но он никогда не ошибался.

Про меня никогда ничего не говорилось: я для этого слишком правильная. Обо мне Саймон мог бы написать только одну вещь, но выяснить ее ему было практически невозможно. И теперь он уже никогда не сможет это сделать.

А миссис Парк продолжает:

– В этой аудитории весь день будет работать психолог-консультант. Вы можете уйти с любого урока в любой момент, если почувствуете необходимость с кем-то поговорить об этой трагедии. Школа организует панихиду по Саймону в субботу после футбола, более точная информация будет сообщена позже. Мы также известим вас о том, что организуют его родные, как только это станет нам известно.

Звенит звонок, и мы встаем, чтобы выйти из класса, но миссис Парк окликает меня раньше, чем я успеваю взять рюкзак:

– Бронвин, можешь на минутку задержаться?

Юмико встает, бросив на меня сочувственный взгляд, и заправляет за ухо прядь коротких черных волос.

– Мы с Кейт тебя подождем в коридоре, о'кей?

Я киваю и беру рюкзак. Миссис Парк все еще держит в руке бумагу с текстом объявления. Я подхожу к ней.

– Бронвин, директор Гупта хочет, чтобы все, кто был тогда с Саймоном, получили консультацию один на один. Она просила меня сообщить, что твоя встреча запланирована на одиннадцать часов в кабинете мистера О'Фаррелла.

Мистер О'Фаррелл – мой руководитель, и я отлично знаю его кабинет. В последние полгода я проводила там много времени, планируя стратегию подачи заявлений в колледжи.

– Консультацию будет проводить сам мистер О'Фаррелл? – спрашиваю я. Может быть, все не так уж плохо.

Миссис Парк морщит лоб.

– Нет-нет, школа пригласила профессионала.

Класс. Я вчера полночи убеждала родителей, что мне не нужно ни к кому обращаться. Они будут в восторге, что меня все-таки заставили.

– О'кей, – говорю я и жду, не скажет ли миссис Парк что-нибудь еще, но она лишь неуклюже треплет меня по плечу.

Кейт и Юмико ждут меня, как и обещали. Мы направляемся на матан – они идут по обе стороны от меня, словно прикрывая от назойливых папарацци. Юмико, впрочем, отходит в сторону, увидев, что у двери класса меня ждет Ивэн Нейман.

– Привет, Бронвин! – Ивэн в своей обычной тенниске с монограммой: наклонные буквы «И. У. Н.» над сердцем. Я всегда гадаю, что значит буква «У». Волтер? Уэнделл? Уильям? Ради него самого надеюсь, что Уильям. – Ты получила мое сообщение?

Получила. *Могу чем-нибудь помочь? Компания не нужна?* Поскольку это был единственный случай, когда Ивэн Нейман прислал мне сообщение, циничная часть меня решила, что в самом сенсационном происшествии за всю историю «Бэйвью» он ищет место поближе к центру событий.

– Да, спасибо. Но я была совершенно измотана.

– Ну, если у тебя будет настроение поговорить, дай мне знать. – Ивэн оглядывает пустующий коридор. Он фанатично пунктуален. – Наверное, пора заходить?

Когда мы садимся, Юмико улыбается мне и шепчет:

– Ивэн вчера на тренировке по матбою все время спрашивал, где ты.

Мне жаль, что я не разделяю ее энтузиазма, но в какой-то момент между вчерашним происшествием и сегодняшним матаном интерес к Ивэну Нейману у меня пропал полностью. Может быть, причиной посттравматический стресс из-за Саймона, но вот сейчас я просто не могу припомнить, что меня вообще в нем привлекало. Хотя нельзя сказать, что я втрескалась

по уши. Мне просто казалось, что мы с Ивэном могли бы оставаться крепкой парой до самого выпуска, после чего расстались бы друзьями и разошлись по разным колледжам. Понимаю, это не слишком вдохновляющая перспектива, но таковы школьные романы. Во всяком случае, для меня.

Я сижу на матане, но мои мысли очень, очень далеко. Придя в себя, я замечаю, что иду на дополнительный английский с Кейт и Юмико. Однако голова у меня еще так полна вчерашним, что, когда мы проходим в коридоре мимо Нейта, мне кажется вполне естественным его окликнуть:

– Нейт, привет!

Я останавливаюсь, неожиданно для нас обоих, и он тоже.

– Привет, – отвечает он.

Его темные волосы растрепаны сильнее обычного, и я более чем уверена, что на нем та же футболка, что и вчера. Но почему-то ему это идет. Даже слишком. Все в нем – от высокой стройной фигуры до выступающих скул и широко расставленных глаз с густыми ресницами – заставляет меня сбиться с мысли.

Кейт и Юмико тоже смотрят на него, но иначе. Скорее как на непредсказуемого зверя в ненадежной клетке. Разговоры в коридоре с Нейтом Маколи не слишком вписываются в наш обычный распорядок дня.

– У тебя уже была встреча с консультантом? – спрашиваю я.

На его лице отражается недоумение.

– Встреча с кем?

– С психологом-консультантом. По поводу Саймона. Вам в вашем классе не говорили?

– Да я только что пришел, – объясняет он.

Глаза у меня расширяются от удивления. Не то чтобы я считала Нейта образцом пунктуальности, но сейчас уже почти десять.

– Ага. Ну, в общем, все, кто там был, должны побеседовать с ним один на один. Мне назначено в одиннадцать.

– Господи! – бормочет Нейт, запуская руку в волосы.

Этот жест приковывает мой взгляд к его предплечью, где он и остается, пока Кейт не начинает кашлять. У меня горит лицо, я рывком возвращаюсь в реальность, но слишком поздно, чтобы услышать, что она сказала.

– Ну, в общем, увидимся, – мямлю я.

Когда Нейт уже не может нас услышать, Юмико подается ко мне.

– У него такой вид, будто он только что валялся в кровати, – шепчет она. – И *не один*.

– Надеюсь, ты как следует искупалась в лизоле после его мотоцикла, – добавляет Кейт. – Он стопроцентный мужчина-шлюха.

Я смотрю на нее со злостью.

– Ты понимаешь, что это сексизм – говорить *мужчина*-шлюха? Если тебе необходимо использовать этот термин, сделай его гендерно-нейтральным, по крайней мере.

– Да как хочешь, – отмахивается Кейт. – Все равно он ходячее ЗППП.

Я не отвечаю. Да, такова репутация Нейта, но на самом деле мы о нем ничего не знаем. Я едва не рассказываю, как он осторожно вез меня вчера домой, но не очень понимаю, что мне хотелось бы этим сказать.

После английского я иду в кабинет мистера О'Фаррелла, стучу в приоткрытую дверь, и он машет мне, чтобы заходила.

– Садись, Бронвин. Доктор Резник чуть запаздывает, но скоро будет.

Я сажусь напротив него и замечаю свою фамилию на коричневом конверте, аккуратно лежащем в центре стола. Я делаю движение, чтобы его взять, но останавливаюсь – может быть, это что-то конфиденциальное? Мистер О'Фаррелл пододвигает конверт ко мне.

– Твоя рекомендация от организатора Модели ООН. До крайнего срока ранней подачи в Йель еще много времени.

Я выдыхаю – тихий вздох облегчения.

– О, спасибо! – говорю я и беру конверт. Это последний, которого я ждала. Йель – семейная традиция, мой дед начинал там внештатником и перевез всю свою семью из Калифорнии в Нью-Хейвен, когда получил там постоянную должность. Все его дети, включая моего отца, учились в Йеле, там же встретились мои родители. Они всегда говорят, что, если бы не Йель, нашей семьи не было бы.

– Всегда пожалуйста. – Мистер О’Фаррелл выпрямляется в кресле и поправляет очки. – Тебе сегодня не икалось? Мистер Камино заходил спросить, не интересуется ли тебя тьюторство по химии в этом семестре. Там группа талантливых одиннадцатиклассников так же бьется, как ты в прошлом году. Они были бы рады узнать стратегию от человека, который в конце концов стал мастером.

Я отвечаю не сразу – у меня перехватило горло.

– Я бы хотела, – отвечаю я самым жизнерадостным тоном, – но может оказаться так, что я уже перегружена. – Я чувствую, что улыбка у меня слишком натянутая.

– Ничего. У тебя действительно много работы.

Химия – единственный предмет, который мне никогда не давался; в середине семестра средней оценкой у меня было «D». И с каждой запоротой контрольной я чувствовала, как «Лига плюща» уплывает все дальше. Даже мистер О’Фаррелл стал аккуратно намекать, что на ней свет клином не сошелся. Так что я подтянула оценки и к концу года заработала «A». Но я более чем уверена: никто на моем месте не захотел бы рассказывать другим, как он этого добился.

Купер

Вторник, 27 сентября, 12.45

Когда мы после ланча входим в раздевалку, Кили смотрит на меня своими большими темными глазами.

– Мы сегодня увидимся?

Мама у нее шведка, отец филиппинец, и такое сочетание делает ее самой красивой девушкой школы, причем с большим отрывом. Я на этой неделе мало с ней виделся из-за бейсбола и всяких семейных дел и замечаю, что это начинает ее нервировать. Кили не из тех, кто липнет, но случайные встречи время от времени – не то, что ей нужно.

– Не уверен, – отвечаю я. – Здорово отстал по домашним заданиям.

Уголки ее идеальных губ опускаются вниз, и я вижу, что сейчас она возмутится, но тут из громкоговорителя раздается голос:

– Внимание! Купера Клея, Нейта Маколи, Аделаиду Прентис и Бронвин Рохас просят немедленно явиться в дирекцию. Повторяю: Купер Клей, Нейт Маколи, Аделаида Прентис и Бронвин Рохас. Вас просят немедленно явиться в дирекцию.

Кили оглядывается, будто в поисках объяснения.

– К чему это? Как-то связано с Саймоном?

Я пожимаю плечами:

– Наверное.

Пару дней назад я уже отвечал на вопросы директора Гупты о том, что произошло в штрафном классе, но, может быть, она организует второй раунд. Мой отец говорит, что у родителей Саймона большие связи в городе, и школа опасается судебного преследования, если обнаружится какая-то небрежность с ее стороны.

– Я пойду. Поговорим позже, о'кей? – Я быстро целую Кили в щеку, закидываю рюкзак на плечо и иду по коридору.

В приемной директора секретарь показывает мне на небольшую комнату для совещаний, где уже полно народу: директор Гупта, Эдди, Бронвин, Нейт и полицейский. Занимая последний стул, я чувствую, что у меня в горле слегка пересохло.

– А вот и Купер. Можно начинать. – Директор Гупта складывает руки перед собой. – Хочу представить вам сержанта Хэнка Будапешта из полиции Бэйвью. Он задаст вам несколько вопросов о том, чему вы были свидетелями в понедельник.

Сержант Будапешт по очереди пожимает нам руки. Он молод, но уже лысеет, волосы у него песочного цвета, лицо в веснушках. Не выглядит подавляющим и авторитарным.

– Рад познакомиться, – вступает он. – Много времени это занять не должно, но после разговора с семьей Келлехер мы хотим изучить обстоятельства смерти Саймона поподробнее. Результаты вскрытия пришли сегодня утром, и...

– Уже? – перебивает Бронвин, заработав от директора Гупты взгляд, который не замечает. – Разве это делается так быстро?

– Предварительные результаты могут быть получены через пару дней, – отвечает Будапешт. – На этот раз они совершенно определенные и показывают, что Саймон умер от большой дозы арахисового масла, поглощенной незадолго перед смертью. Что его родители находят странным, учитывая, как он внимательно относился к тому, что ест и пьет. Вы все сказали директору Гупте, что Саймон непосредственно перед тем, как упал, выпил чашку воды, так?

Мы киваем, и сержант продолжает:

– В чашке обнаружены следы арахисового масла. Без сомнений, именно от этого напитка Саймон и умер. Сейчас мы пытаемся установить, как арахисовое масло могло попасть в чашку.

Все молчат. Эдди смотрит на меня, потом отводит глаза, и на лбу у нее появляется морщина.

– Кто-нибудь помнит, где Саймон взял эту чашку? – спрашивает сержант, занося ручку над чистым листом блокнота.

– Я не смотрела, – отвечает Бронвин. – Я делала задание.

– Я тоже, – говорит Эдди, хотя я мог бы поклясться, что она даже не начинала.

Нейт потягивается и смотрит в потолок.

– Я помню, – вызываюсь я. – Он взял чашку из стопки у раковины.

– Чашки стояли вверх дном или на доньшке?

– Вверх дном. Саймон взял верхнюю.

– Вы не заметили, в чашке была какая-нибудь жидкость? Он ее встряхивал?

Я вспоминаю.

– Нет, просто налил туда воды.

– И выпил?

– Да, – отвечаю я, но Бронвин меня поправляет:

– Нет. Не сразу. Перед этим он разговаривал. Помнишь? – Она оборачивается к Нейту: – Он спросил тебя, не ты ли подсунул нам в рюкзаки телефоны, из-за которых нас и оставили после уроков.

– Да, мобильные телефоны. – Сержант Будапешт что-то строчит в блокноте. Он ни о чем не спрашивает, но Бронвин все равно объясняет:

– Кто-то нас подставил. Вот почему нас и оставили после уроков. Мистер Эйвери нашел у нас в рюкзаках телефоны, которые нам не принадлежали. – Она оборачивается к директору Гупте с обиженным лицом. – Это же очень несправедливо. Я вот хотела спросить: это будет записано в личном деле?

Нейт закатывает глаза.

– Это не я. Мне тоже кто-то сунул телефон в рюкзак.

Гупта хмурится.

– Я впервые об этом слышу.

Она смотрит на меня, но я пожимаю плечами. Последние пару дней я меньше всего думал об этих телефонах.

Будапешт не выглядит удивленным.

– Мистер Эйвери говорил об этом, когда я с ним встречался. Он сказал, что никто из ребят не пришел за телефоном, поэтому он решил, что вас все-таки подставили. – Он зажимает ручку между средним и указательным пальцем и ритмично постукивает ею по столу. – Это не могло быть своего рода шуткой, которую над вами сыграл сам Саймон?

– Не вижу смысла, – отвечает Эдди. – У него в рюкзаке тоже был телефон. К тому же я едва его знала.

– Вы с ним оказались в королевском дворе бала в одиннадцатом классе, – напоминает Бронвин.

Эдди моргает, будто только сейчас это вспомнила.

– Кто-нибудь из вас имел трения с Саймоном? – спрашивает сержант. – Я слышал о приложении, которое он написал – «Про Это», кажется? – Он смотрит на меня, я киваю. – Кто-нибудь из вас туда попадал?

Все, кроме Нейта, мотают головой.

– Много раз, – отвечает он.

– За что? – спрашивает сержант.

Нейт ухмыляется:

– За всякую хрень...

Директор резко его одергивает:

- Мистер Маколи, выбирайте выражения!
- За всякую ерунду, – поправляется Нейт. – В основном из-за девочек.
- Вас это раздражало? Что о вас сплетничают?
- На самом деле нет.

Похоже, что он говорит искренне. Наверное, стать героем сплетен – не слишком большая неприятность по сравнению с арестом. Если арест действительно был. Саймон ничего об этом не размещал, так что никто не знает точно, чем занимается Нейт. Несколько некрасиво получается, что нашим единственным надежным источником новостей был Саймон.

- Но вы трое, – смотрит на нас Будапешт, – туда не попадали?

Мы снова качаем головами.

– Но когда-нибудь волновались из-за такой возможности? Чувствовали, что у вас над головой что-то нависло?

– Только не я, – отвечаю я, но мой голос звучит совсем не так уверенно, как мне бы хотелось.

Я отвожу взгляд от полицейского и успеваю заметить, что Эдди и Бронвин создают резкий контраст: Эдди бледная как смерть, а Бронвин красная как помидор. Нейт несколько секунд смотрит на них, отклонившись назад вместе со стулом, потом переводит взгляд на сержанта.

- У каждого есть свои тайны, – произносит он.

Моя тренировка в этот вечер затянулась, но папа заставляет всех ждать моего возвращения, чтобы вместе поужинать. Когда наконец в семь часов мы садимся за стол, мой брат Лукас держится за живот и пошатывается, изображая невыносимое страдание от голода.

Тема обсуждения та же, что и всю неделю: Саймон.

– Надо было понять, что полиция в какой-то момент вмешается, – говорит папа, зачерпывая ложкой горку пюре на своей тарелке. – Что-то не так в смерти этого мальчика. – Он фыркает. – Может быть, арахисовое масло было в водопроводе? Для адвокатов это будет праздник.

– А глаза у него на лоб полезли *вот так*? – спрашивает Лукас, корча рожу. Ему двенадцать, и смерть Саймона для него значит не больше, чем кровь в видеоиграх.

Бабуля протягивает руку и шлепает Лукаса по ладони. Рост у нее пять футов и голова вся в кудряшках, но она не шутит.

- Закрой рот и помолчи, если не можешь говорить об этом несчастном уважительно.

Бабуля живет с нами с тех пор, как мы переехали из Миссисипи пять лет назад. Меня удивило, что она согласилась: дедушка давно умер, но у нее было много друзей и клубов, занимавших ее время. Сейчас, когда мы немного обжились, до меня дошло: наш простой дом колониальной архитектуры стоит втрое дороже нашего дома в Миссисипи, и без бабулиных денег мы бы его не потянули. Но в Бэйвью можно играть в бейсбол круглый год, и здесь одна из лучших школьных программ в стране. Папа надеется, что в какой-то момент я оправдаю и огромную ипотеку, и работу, которую он терпеть не может.

Все может быть. Мой фастбол прибавил за лето пять миль в час, и я оказался четвертым в прогнозе «И-Эс-Пи-Эн» на июньский набор в главную лигу следующего года. Многие коллеги меня тоже заметили и не будут против иметь меня в числе студентов. Но бейсбол – это не футбол и не баскетбол. Если человек может пойти в малую лигу прямо из школы, обычно он так и делает.

Папа тычет в мою сторону острием ножа.

- У тебя в субботу показательная игра. Не забудь.

Будто я могу забыть. Расписание игр развешано по всему дому.

– Кевин, может быть, один уик-энд можно пропустить? – вкрадчиво, но без особой надежды спрашивает мама. Она знает, что это заранее проигранная битва.

– Самое лучшее, что может сделать Куперстаун, – это продолжать жить обычной жизнью, – говорит отец. – Откладывание на потом не вернет к жизни бедного мальчика, упокой господь его душу.

Маленькие светлые глаза бабули обращаются ко мне.

– Надеюсь, ты понимаешь, Купер, что никто из вас не сделал Саймону ничего плохого. Полиция просто должна расставить все точки над i.

А я вот не знаю. Сержант Будапешт расспрашивал меня о пропавших «ЭпиПенах» и о том, сколько времени я пробыл в медпункте. Будто бы считает, что я мог что-то с ними сделать до появления мисс Грейсон. Но вслух он этого не сказал. Если он думает, что Саймону кто-то что-то подмешал, то не понимаю, почему он не подозревает Нейта. Если бы меня спросили – но ведь не спрашивают, – я бы поинтересовался, откуда Нейт вообще знает про «ЭпиПены».

Только мы убрали со стола, как позвонили в дверь, и Лукас опрометью бросился к порогу.

– Я открою! – Через несколько секунд он снова закричал: – Это Кили!

Бабуля с некоторым трудом встает, опираясь на набалдашник трости в виде черепа (трость выбирал Лукас, когда бабуля поняла, что без палки больше ходить не может).

– Я думала, у тебя нет на сегодня планов, – говорит она.

– Так ведь и не было, – бурчу я себе под нос, когда Кили с улыбкой заходит на кухню и крепко меня обнимает.

– Как ты? – шепчет она мне на ухо, мягкими губами касаясь щеки. – Я весь день о тебе думаю.

– Нормально, – отвечаю я.

Она отстраняется и, сунув руку в карман и улыбаясь, достает целлофановый пакет. «Ред вайнз» – определенно не подходящие моему режиму питания, но мои самые любимые в мире конфеты. Эта девушка меня понимает. И мои родители, которым нужна еще пара минут вежливого разговора перед тем, как они уедут на свой боулинг, – тоже.

У меня мелодично звякает телефон, и я вытаскиваю его из кармана.

Привет, красавчик.

Я опускаю голову, чтобы скрыть неожиданно растянувшую губы улыбку и отвечаю:

Привет.

Увидимся сегодня?

Не получится. Позвоню потом?

О'кей, буду скучать.

Кили общается с мамой, ее глаза светятся интересом – неподдельным. Кили не просто красавица. Бабуля про нее говорит: «чистый сахар». По-настоящему милая девушка. Любой парень из «Бэйвью» хотел бы быть на моем месте.

И я тоже.

Глава 4. Эдди

Четверг, 27 сентября, 19.30

До прихода Джейка мне надо было сделать уроки, но вместо этого я сижу перед зеркалом в спальне, ощупывая пальцами линию роста волос. Я трогаю нежную кожу левого виска и чувствую, как вылезают огромные жуткие прыщи – это со мной случается каждые два-три месяца. Как только появляется первый, я понимаю, что все видят только их и больше ничего.

Какое-то время мне приходится носить волосы распущенными, что нравится Джейку. Волосы – это единственное во мне, в чем я всегда уверена на сто процентов. На прошлой неделе я была с подругами в «Гленнз-дайнер» и сидела рядом с Кили напротив большого зеркала. Кили протянула руку, погладила меня по волосам, улыбаясь нашим отражениям. «Поменяемся? – спросила она. – Всего на недельку».

Я улыбнулась, но пожалела, что не сижу напротив. Терпеть не могу видеть себя рядом с Кили. Она невероятно красива: загорелая кожа, длинные ресницы, губы Анджелины Джоли. Она главная героиня фильма, а я – типичная лучшая подруга, чье имя зритель забывает раньше, чем пойдут титры.

Звонят в дверь, но я знаю, что Джейк сразу не поднимется наверх. Мама оккупирует его минимум на десять минут. Она хочет знать все малейшие подробности дела Саймона и сегодня готова была всю ночь обсуждать встречу с сержантом Будапештом, вот только я не согласилась.

Я делю волосы надвое и по каждой половине прохожусь щеткой. Но мыслями все время возвращаюсь к Саймону. Он с самого первого года все время маячил возле нашей компании, но одним из нас никогда не был. У него был единственный настоящий друг – девушка по имени Джена, вроде как готка. Я раньше думала, что они встречаются, пока Саймон не стал приглашать на свидание всех моих подруг. Конечно, ни одна не согласилась. Хотя в прошлом году, еще не начав встречаться с Купером, Кили на вечеринке напилась до потери пульса, и Саймон целых пять минут целовал ее в чулане. Ей понадобилась вечность, чтобы его потом от себя отцепить.

Не знаю, на что рассчитывал Саймон. Кили интересен один тип – спортсмены. Саймону бы попробовать с кем-нибудь вроде Бронвин. Хорошенькая, хотя не броская, интересные серые глаза и волосы, которые выглядели бы отлично, если бы она их не закалывала. Плюс к этому они бы с Саймоном могли соревноваться друг с другом на курсах повышенной сложности. Только у меня создалось впечатление, что Бронвин Саймон не очень нравился. Или совсем не нравился. Когда сержант Будапешт говорил о смерти Саймона, у Бронвин был вид... ну, не знаю. Не печальный.

В дверь стучат, и я вижу в зеркале, как она открывается. Входит Джейк – я продолжаю расчесываться. Он снимает кроссовки и плюхается на мою кровать, преувеличенно изображая усталость, уронив руки вдоль тела.

– Твоя мама выжала меня досуха, Эдс. Никогда не встречал человека, который так бы умел разными способами задавать один и тот же вопрос.

– Ты мне будешь рассказывать, – фыркаю я, вставая, чтобы лечь рядом с ним.

Он обнимает меня и привлекает к себе, моя голова лежит у него на плече, рука на груди. Мы отлично умеем подгонять себя друг к другу, и меня впервые после вызова в кабинет директора отпускает напряжение.

Я провожу пальцами по его бицепсу. У Джейка они не так выделяются, как у Купера (тот вообще супергерой со своими профессиональными тренировками), но для меня он пример идеального равновесия между мускулистостью и стройностью. И еще он быстрый – лучший раннингбек в школе за последние годы. За ним не так охотятся, как за Купером, но несколько колледжей им интересуются, и у него хорошие шансы на стипендию.

– Мне звонила миссис Келлехер, – говорит Джейк.

Моя рука останавливается на полпути вверх, и я смотрю на его синюю футболку.

– Мать Саймона? – спрашиваю я. – Зачем?

– Она спросила, буду ли я нести гроб на похоронах. Я сказал, что конечно. Я же не мог отказаться?

Иногда я забываю, что Саймон и Джейк были друзьями в младших и средних классах, пока Джейк не стал спортсменом, а Саймон... тем, кем он стал. Джейк в девятом классе попал в футбольную команду школы и подружился с Купером, который уже был легендой «Бэйвью» и своей подачей чуть не вывел нашу среднюю школу в мировой чемпионат малой лиги. К десятому классу они были королями, а Саймон – каким-то странным типом, с которым Джейк был когда-то знаком.

Я подозреваю, что Саймон мог запустить «Про Это», чтобы произвести на Джейка впечатление. Он выяснил, что типом, который доставал одиннадцатиклассниц, присылая им непристойные фотографии, был один из соперников Джейка по футболу, и рассказал об этом в приложении, которое называлось «После Школы». Сообщение на пару недель привлекло внимание к себе – и к Саймону. Может быть, впервые в «Бэйвью» его кто-то заметил.

Джейк, наверное, похлопал его по спине и забыл об этом, а Саймон пошел дальше и создал собственное приложение. Спрос на сплетни сейчас не слишком велик, поэтому Саймон стал помещать материалы куда более мелкие и личные, чем скандал с сообщениями сексуального характера. Его больше никто не считал героем, но зато начинали остерегаться, и я думаю, что для Саймона это было ничуть не хуже.

Джейк обычно защищал Саймона, когда наши друзья ругали его за «Про Это». «Он же не врет, – возражал он. – Не делай того, чего стыдишься, и проблем у тебя не будет».

Иногда Джейк видит все черно-белым. Это легко, если никогда не совершаешь ошибок.

– Но завтра вечером мы все равно едем на пляж, если ты не против, – напоминает он, накручивая мои волосы себе на палец.

Он говорит так, будто решение остается за мной, но мы оба знаем, что нашу социальную жизнь организует он.

– Конечно, – подтверждаю я. – А кто еще едет?

Только не Т. Д.!

– Купер и Кили должны быть, хотя она не знает, хочет ли он. Луис и Оливия. Ванесса, Тайлер, Ной, Сара...

Только не Т. Д.!

– ...и Т. Д.

Бр-р-р!

Не знаю, то ли это мое воображение, то ли действительно Т. Д., который появился на окраине нашей компании как новичок, начинает пробираться в ее центр. И именно в тот момент, когда мне хочется, чтобы он вообще исчез.

– Отлично, – бросаю я, вытягиваюсь и целую Джейка в щеку. В это время дня он уже немного колючий. В прошлом году такого еще не было.

– Аделаида! – доносится снизу голос моей матери. – Мы уходим!

Они с Джастином чуть ли не каждый вечер ездят в центр, обычно в рестораны, но иногда в клубы. Джастина только тридцать, и он все еще очень любит тусоваться. Матери это нравится, особенно когда ее принимают за его ровесницу.

– О'кей! – отзываюсь я, и дверь захлопывается.

Через минуту Джейк наклоняется и целует меня, его рука скользит мне под блузку.

Многие думают, что мы с Джейком спим с девятого класса, но это не так. Он хотел подождать до одиннадцатого класса, до бала. Это было серьезное мероприятие: Джейк снял навороченный номер в отеле и украсил его свечами и цветами, а мне купил потрясающее белье от

«Виктория секрет». Я, наверное, была бы не против чего-то более спонтанного, но знаю, что мне невероятно повезло: иметь бойфренда, который так серьезно продумывает мельчайшие детали.

– Ты не против? – Джейк вглядывается в мое лицо. – Или хочешь просто куда-нибудь сходить? – Он поднимает брови, будто действительно ждет ответа, но его рука медленно движется вниз.

Я никогда не отказываю Джейку. Моя мать, когда мы с ней впервые покупали для меня противозачаточные, сказала: «Если ты слишком часто говоришь «нет», очень скоро появится другая, которая будет говорить «да». И вообще, я хочу этого не меньше, чем он. Я жду этих моментов близости с Джейком – я бы вползла внутрь его, если бы могла.

– Более чем не против, – шепчу я и тяну его на себя.

Нейт

Четверг, 27 сентября, 20.00

Да, я живу в том доме. В том самом, проезжая мимо которого говорят: «Поверить не могу, чтобы люди здесь жили». Мы и есть эти люди, хотя сказать, что мы здесь живем, будет некоторой натяжкой. Меня здесь почти никогда нет, а папаша мой, как правило, полумертв.

Наш дом на дальнем краю Бэйвью – грязный, одноэтажный, из тех, что покупают под снос. Он маленький и уродливый, с единственным окном спереди. Труба стала сыпаться, еще когда мне было десять. Через семь лет все остальное посыпалось вместе с ней: краска облезла, ставни перекосились, бетонные ступени крыльца покрыли широкие трещины. Двор ничем не лучше. Трава почти по колено и желтая после летней засухи. Я когда-то косил ее время от времени, а потом плюнул – пустая трата времени.

Когда я вхожу, отец лежит на диване в отключке, а перед ним – пустая бутылка из-под джина «Сиграмс». Папаша считает, что ему повезло, когда он несколько лет назад, будучи уже алкоголиком, но еще работоспособным, упал с лестницы, перекрывая крышу. Он получил компенсацию и группу инвалидности, так что ему назначили пенсию. Для такого, как он, это все равно что в лотерею выиграть. Сейчас он может беспрепятственно пить, а деньги капают. Но не очень много. А мне хочется иметь кабельное телевидение, держать мотоцикл в рабочем состоянии и иногда есть еще что-нибудь, кроме бигмаков и сыра. Поэтому я нашел подработку и сегодня четыре часа после школы развозил по графству Сан-Диего пластиковые пакеты с обезболивающим. Это совсем не то, чем мне следует заниматься, особенно после того, как летом меня взяли за травку и дали испытательный срок. Но другой работы, которая бы настолько хорошо оплачивалась и требовала бы так мало усилий, нет.

Я направляюсь в кухню, открываю дверцу холодильника и вытаскиваю остатки китайской еды. Под магнитом – фотка с завернувшимся углом, потрескавшаяся, как разбитое окно. Отец, мать и я, когда мне было одиннадцать, – как раз перед тем, как она сделала ноги.

Она страдала биполярным расстройством, а лекарства не принимала, так что не такое уж у меня при ней было чудесное детство. Мое самое раннее воспоминание: она бросает тарелку, потом сидит на полу среди осколков и плачет навзрыд. Однажды я вышел из автобуса и увидел, как она выбрасывает из окна все наши вещи. Часто она целыми днями сидела в углу кровати не шевелясь.

Но в маниакальной стадии у нее бывали просветления. На мой восьмой день рождения она отвела меня в универсальный магазин, дала тележку и велела класть в нее все, что я захочу. Когда мне исполнилось девять и я увлекся рептилиями, она сделала мне сюрприз – поставила в гостиной террариум с бородатой ящерицей. Мы называли зверя Стэном в честь основателя «Марвел» Стэна Ли, и он живет у меня до сих пор. Эти твари вечны.

Отец тогда так много не пил, и им как-то удавалось водить меня в школу и на спортивные занятия. Потом мать совсем забросила свои лекарства и перешла на вещества, изменяющие сознание. Да, я гад, который продает наркотики, хотя они сгубили мою мать. Но внесу ясность: я не продаю ничего, кроме травки и обезболивающих. Мать бы вполне себе жила, если бы держалась подальше от кокаина.

Какое-то время она возвращалась каждые два-три месяца, потом раз в год. Последний раз я ее видел, когда мне было четырнадцать, а папаша стал разваливаться. Она все говорила о фермерской коммуне в Орегоне, куда уехала, – как там классно, что она меня туда возьмет и я буду ходить в школу с другими детьми хиппи и выращивать экологически чистые ягоды, или что еще они там делают.

В «Гленнз-дайнер» она купила мне огромное мороженое, как восьмилетнему, и все это рассказала. «Тебе там понравится, Натаниэл. Там все так душевно, и никто не вешает на тебя ярлыки, как здесь».

Даже тогда это звучало по-дурацки, но получше, чем «Бэйвью». Так что я собрал рюкзак, сунул Стэна в переноску и ждал ее на крыльце. Наверное, полночи там просидел, как полный идиот, пока до меня наконец не дошло, что она не придет. Вот тогда-то в «Гленнз-дайнер» я и видел ее в последний раз.

Пока разогревается китайская еда, я проверяю, как там Стэн, у которого с утра еще осталась кучка сушеных овощей и несколько живых кузнечиков. Стэн очень вынослив и неприхотлив – только потому и сумел не загнуться за восемь лет в этом доме.

– Как жизнь, Стэн? – Я сажаю его на плечо, беру еду и сажусь в кресло напротив моего коматозного отца.

По телику идет чемпионат мира, и я его вырубая, потому что, во-первых, терпеть не могу бейсбол, а во-вторых, он напоминает мне о Купере Клее, который, в свою очередь, напоминает о Саймоне Келлехере и всей это мерзкой сцене. Мне этот парень никогда не нравился, но это было ужасно. И Купер оказался почти так же бесполезен, как та блондинка. Только Бронвин что-то делала, а не лепетала, как идиотка.

Моей матери она когда-то нравилась. Она всегда отмечала ее на школьных мероприятиях вроде рождественской постановки в четвертом классе, когда я был одним из волхвов, а Бронвин – Девой Марией. Кто-то тогда спер Младенца Иисуса – наверное, чтобы подразнить Бронвин, потому что она уже тогда ко всему относилась очень серьезно. Бронвин пошла к зрителям, взяла у кого-то сумку, завернула ее в одеяло и таскала, будто ничего не случилось. «Эта девочка ни перед кем не спасует», – с одобрением сказала тогда моя мать.

Ладно, буду до конца честным: это я спер младенца, и действительно чтобы достать Бронвин. Было бы веселее, если бы она запсиховала.

У меня пищит куртка, и я лезу в карман за нужным телефоном. Чуть не засмеялся тогда после уроков, когда Бронвин сказала, что ни у кого не бывает двух телефонов. У меня их три: один для знакомых, другой для поставщиков, третий для клиентов. Дополнительное удобство – я могу их выключить. Но я не такой дурак, чтобы таскать их в класс Эйвери.

Рабочие телефоны у меня включены на вибрацию, значит, это личный. Я вытаскиваю древний айфон и вижу сообщение от Эмбер – девушки, с которой месяц назад познакомились на вечеринке.

Ты дома?

Я думаю. Эмбер красивая и никогда не пытается застрять слишком надолго, но она была здесь пару дней назад. Когда я позволяю себе случайные встречи чаще раза в неделю, начинается путаница. Но я нервничаю, и мне хочется отвлечься.

Приезжай – пишу я в ответ.

Я уже собираюсь положить телефон, как приходит новое сообщение – от Чеда Познера, парня из «Бэйвью», с которым мы иногда тусим.

Видел это?

Я щелкаю по ссылке в сообщении и попадаю на страницу «Тамблера» с заголовком «Про Это».

Идея убить Саймона родилась у меня, когда я смотрел «Дейтлайн»¹.

Я, понятное дело, ее сперва обдумывал – такие вещи из воздуха не берутся. Но меня останавливал вопрос: а как вылезти потом? Я не считаю себя гениальным преступником. И вообще, для тюрьмы я слишком красивый.

¹ Реалити-шоу юридической тематики. – Здесь и далее примеч. ред.

В той передаче один человек убил жену. Для «Дейтлайн» стандартно, правда? Всегда убивает муж. Но оказывается, ее смерти обрадовались многие. Она поспособствовала увольнению коллеги, устраивала пакости людям в городском совете, спала с мужем подруги. И вообще была ужасной.

Тот тип из передачи умом не блистал. Нанял кого-то убить жену. Найти переписку в телефоне удалось очень легко. Но до того у него было приличное прикрытие – из-за всех этих подозреваемых. Чтобы убийство человека сошло с рук, надо убивать того, чьей смерти хотят все.

Будем смотреть правде в глаза: в «Бэйвью» Саймона ненавидели все. Просто у меня одного хватило храбрости претворить эту ненависть в действие.

Нет-нет, не стоит благодарности.

Телефон едва не выскользнул у меня из руки. Пока я читал, от Чеда Познера пришло новое сообщение:

Никто ни хрена не понимает.

Я печатаю ответ:

Где ты это взял?

Он пишет: *Кто-то дал ссылку в почте LOL.*

Он считает, что это чья-то дурацкая шутка. Как наверняка подумал бы любой, если бы не просидел час с полицейским дознавателем, десятью разными способами спрашивавшим, как арахисовое масло могло попасть в чашку Саймона Келлехера. А с тобой в это время находились еще трое, и все они под подозрением.

Ни у кого из них нет такого опыта, как у меня, – притворяться равнодушным, когда на тебя со всех сторон валятся кирпичи. По крайней мере, никто из них не сравнится со мной в этом искусстве.

Глава 5. Бронвин

Пятница, 28 сентября, 18.45

В пятницу вечером можно вздохнуть свободно. Мы с Мейв сидим у нее в комнате и смотрим сериал «Баффи – истребительница вампиров» на «Нетфликс». Последнее время мы им увлеклись, и я всю неделю ждала этого вечера, но сейчас смотрю вполглаза. Мейв свернулась у окна, барабанила по своему ноутбуку, а я растянулась у нее на кровати, открыв на ридере «Улисса» Джеймса Джойса. Он идет номером один в «100 лучших романах современной библиотеки», и я настроена дочитать его до конца семестра, но продвигаюсь очень медленно. Я не могу сосредоточиться.

В школе только и разговоров что об этом сегодняшнем посте в «Тамблере». Вчера вечером кто-то из ребят получил по почте ссылку на него с какого-то из джимейловских адресов «Про Это», и к ланчу его прочитали уже все. Юмико по пятницам помогает в дирекции, и она слышала, как там пытались по айпи-адресу найти, кто его разместил.

Сомневаюсь, чтобы у них что-то вышло. Человек хотя бы с каплей мозгов не станет рассылать подобное со своего компа.

С понедельника, когда нас оставили после уроков, все со мной обращаются осторожно и слишком предупредительно, но сегодня все было иначе. При моем приближении разговоры смолкали, и Юмико наконец сказала:

– Никто не думает, что это рассылаешь ты. Просто странно: вчера вас допрашивали в полиции, а сегодня всплывает вот такое.

Как будто от этих слов мне должно было стать лучше.

– Нет, ты только представь себе! – Голос Мейв рывком возвращает меня в реальность ее комнаты. Она откладывает в сторону ноутбук и легонько барабанит пальцами по оконному стеклу. – Через год ты уже будешь в Йеле. Что ты там будешь делать в пятницу вечером? Развлекаться на вечеринке студенческого братства?

Я закатываю глаза.

– Ага, потому что с вручением письма о приеме мне сделают пересадку личности. Да и вообще, туда еще попасть надо.

– Попадешь. Разве может быть иначе?

Я неловко меняю положение на кровати. *Еще как может быть.*

– Ничего никогда не знаешь заранее.

Мейв продолжает барабанить по стеклу.

– Если ты скромничаешь из-за меня, то можешь не напрягаться. Меня роль семейной раздолбайки вполне устраивает.

– Вовсе ты не раздолбайка, – возражаю я.

Она лишь ухмыляется и машет рукой. Мейв самая умная из тех, кого я знаю, но до девятого класса она часто болела и регулярно ходить в школу не могла. В семь лет ей поставили диагноз «лейкемия», и она окончательно выздоровела всего два года назад, в четырнадцать.

Пару раз мы ее чуть не потеряли. Однажды, когда я училась в четвертом классе, я услышала, как священник в больнице спрашивает у родителей, согласны ли они начать «приготовления». Что это значит, я знала. И тогда я склонила голову и стала молиться: «Прошу Тебя, не забирай ее. Я все буду делать правильно, если Ты нам ее оставишь. Я буду идеальной, обещаю».

Мейв, проведя столько лет в больнице, так и не научилась участвовать в общественной жизни. Я веду ее за нас двоих: становлюсь членом клубов, получаю награды и оценки, позволяющие поступить в Йель, как родители когда-то. Они довольны, а Мейв может не напрягаться.

Мейв снова отворачивается к окну со своим обычным мечтательным выражением. Она и сама выглядит как мечта: бледная, худощавая, волосы темно-русые, как у меня, а глаза –

неожиданного янтарного цвета. Я уже готова спросить, о чем она думает, как вдруг сестра выпрямляется и, приставив руки к глазам как бинокль, прижимает их к стеклу.

– Это Нейт Маколи?

Я фыркаю, не двигаясь с места, и она настаивает:

– Я серьезно. Посмотри сама.

Я встаю и подхожу к ней. В темноте на нашей дорожке угадываются контуры мотоцикла.

– Что за черт?

Мы с Мейв переглядываемся, и она насмешливо мне улыбается.

– Что? – спрашиваю я резче, чем намеревалась.

– Что? – передразнивает она. – Ты думаешь, я не помню, как ты в начальной школе по нему сохла? Я была больная, а не мертвая.

– Брось ты эти шуточки, о боже мой! И вообще, это было сотни световых лет назад. – Мотоцикл Нейта стоит на нашей дорожке неподвижно. – Как ты думаешь, что он тут делает?

– Есть только один способ узнать, – раздражающе напевно произносит Мейв и, игнорируя злобный взгляд, который я на нее бросаю, направляется к двери.

Пока я спускаюсь по лестнице, сердце у меня громко стучит. Мы с Нейтом на этой неделе в школе говорили больше, чем за все время с пятого класса – что, надо признать, не слишком много. И каждый раз, когда я его вижу, у меня создается впечатление, что он ждет не дождется, когда сможет оказаться в другом месте. Но я все время на него наталкиваюсь.

Когда я открываю дверь, включается прожектор перед гаражом, и Нейт оказывается как на авансцене. Я иду к нему, нервы у меня напряжены до предела, и я остро осознаю, что выгляжу непрезентабельно: на мне толстовка с капюшоном, спортивные шорты и шлепанцы, в которых я сидела у Мейв. Хотя он, конечно, тоже не наряжался. Эту футболку с «гиннесом» я видела уже как минимум дважды на этой неделе.

– Привет, Нейт, – говорю я. – Что стряслось?

Он снимает шлем, его темно-синие глаза смотрят на дверь мимо меня.

– Привет. – Он ничего больше не говорит так долго, что становится неловко. Я складываю руки на груди и жду. Наконец он смотрит мне в глаза с кривоватой улыбкой, от которой у меня все внутри переворачивается. – У меня вообще-то не было особого повода приезжать.

– Хочешь зайти? – выпаливаю я.

Он колеблется:

– Да уж, твои родители будут в восторге.

Он даже наполовину себе не представляет в каком. Папин любимый стереотип – колумбийский наркоторговец, и даже намек на такое знакомство с моей стороны его никак не обрадует. Но я слышу собственные слова:

– Их нет дома. Мы вдвоем с сестрой, – добавляю я поспешно, чтобы он не истолковал мои слова как-то неправильно.

– Ага, ладно. – Нейт слезает с байка и идет за мной с таким видом, будто ему все нипочем, и я тоже стараюсь держаться непринужденно. Мейв встречает нас на кухне, опершись о стол, хотя десять секунд назад наверняка таращилась из окна своей спальни.

– Ты знаком с моей сестрой Мейв? – спрашиваю я.

Нейт качает головой.

– Нет. Как жизнь? – говорит он.

– Нормально, – отвечает Мейв, разглядывая его с откровенным интересом.

Я не знаю, что делать дальше, а он сбрасывает куртку и кидает ее на кухонный стол. Как вообще должна я... *занимать* Нейта Маколи? Я же не обязана? Это же он вдруг заявился нежданно-негаданно? Значит, я могу делать то, что делала бы и без него? Но это значит сидеть в комнате у сестры и смотреть ретро-сериал про вампиров, вполглаза читая «Улисса»? Совсем не та ситуация, в которой я чувствовала бы себя уверенно.

Нейт не замечает моей неловкости, входя через стеклянные двери в нашу гостиную. Мы идем за ним, Мейв толкает меня локтем в бок и бормочет вполголоса:

– ¡Que boca tan hermosa!²

– Заткнись! – шиплю я.

Отец любит, когда мы дома говорим по-испански, но вряд ли он имел в виду такой случай. К тому же Нейт, скорее всего, должен отлично понимать этот язык.

Он останавливается возле рояля и оглядывается.

– Кто играет?

– Бронвин, – сдает меня Мейв прежде, чем я успеваю раскрыть рот.

Я стою у дверей, сложив руки на груди, а она устраивается в любимом папином кресле перед раздвижной дверью, ведущей в нашу половину.

– Она отлично играет.

– Правда? – спрашивает Нейт.

Я одновременно с ним произношу:

– Это неправда.

– Играешь, – настаивает Мейв.

Я смотрю на нее с прищуром, а она на меня – невинными большими глазами.

Нейт подходит к большому ореховому шкафу во всю стену и берет фотографию, на которой мы с Мейв с одинаковыми щербатыми улыбками стоим на фоне замка Золушки в Диснейленде. Снимок сделан за полгода до того, как Мейв поставили диагноз, и очень долго это у нас была единственная фотография. Нейт ее изучает, потом слегка улыбается. Насчет его губ Мейв права – они очень сексуальны.

– Сыграешь что-нибудь?

Это все же легче, чем разговаривать с ним.

Я бреду к табурету, сажусь, поправляю перед собой ноты. Это «Вариации на тему канона», которые я разучиваю уже не первый месяц. Уроки музыки я беру с восьми лет, и техника у меня очень хорошая. Но я никогда не могу заставить людей что-то почувствовать. «Вариации на тему канона» – первая пьеса, которая вызвала у меня желание попробовать. Что-то есть в том, как она развивается, начинаясь мягко и тихо, набирая мощь, пока не звучит почти гневно. Это трудная часть, потому что в какой-то момент ноты становятся резкими, почти диссонансными, и я не могу набрать нужную силу, чтобы это вытянуть.

Я не играла уже почти неделю. В последний раз, когда попыталась, взяла столько фальшивых нот, что даже Мейв дергалась. Кажется, она помнит, потому что смотрит на Нейта и говорит:

– Эта пьеса очень трудная. – Будто вдруг пожалела, что поставила меня в трудное положение.

А, ладно, черт с ним! Вся эта ситуация слишком абсурдна, чтобы принимать ее всерьез. Если я утром проснусь и Мейв мне скажет, что мне все приснилось, я с ней полностью соглашусь. Так что я начинаю играть – и произведение сразу ощущается по-другому, свободнее, проще с подходами к трудным местам. Я забываю про Мейв и Нейта и радуюсь, когда ноты, на которых я обычно спотыкаюсь, звучат легко и свободно. И даже крещендо я не атакую так сильно, как надо бы, но играю быстрее и увереннее, чем обычно, и ни разу не фальшивлю. Закончив, я торжествующе улыбаюсь Мейв, и только когда ее взгляд перемещается на Нейта, вспоминаю, что у меня двое слушателей.

Он стоит, прислонившись к книжному шкафу, руки у него скрещены на груди, и он впервые не выглядит так, будто ему скучно или он сейчас будет надо мной насмехаться.

– Это лучшее, что я слышал в жизни, – произносит он.

² Какой красивый рот! (исп.)

Эдди

Пятница, 28 сентября, 19.00

Боже, ну и мать у меня! Она реально *кокетничает* с сержантом Будапештом. Веснушчатый и лысеющим.

– Конечно, Аделаида все сделает, чтобы вам помочь, – говорит она грудным голосом, водя пальцем по краю бокала.

Джастин сегодня ужинает у своих родителей, которые маму терпеть не могут и никогда не приглашают. И вот это – наказание ему, знает он об этом или нет.

Когда появился сержант Будапешт, мы как раз доедали тайский овощной пирог, который мама всегда заказывает, когда приезжает в гости моя сестра Эштон. Сержант не знает, куда девать глаза, и потому смотрит на букет сухих цветов на стене гостиной. Мама меняет декор каждые полгода, и последняя тема – дешевый шик с причудливыми мотивами морского берега. Повсюду махровые розы и морские раковины.

– Просто уточним несколько пунктов, если ты не против, Эдди, – начинает он.

– О'кей.

Меня удивил его визит, потому что я уже ответила на все его вопросы. Но, наверное, следствие идет полным ходом. Сегодня кабинет мистера Эйвери был огорожен желтой лентой, и целый день по школе сновали полицейские. Купер сказал, что «Бэйвью», видимо, грозят неприятности из-за того, что арахисовое масло попало в воду, или что-то в этом роде.

Я бросаю взгляд на мать. Она не сводит глаз с сержанта Будапешта, но я хорошо знаю это задумчивое выражение лица. Видимо, она уже планирует свой гардероб на уик-энд.

В гостиную входит Эштон и садится в кресло напротив меня.

– Вы разговариваете со всеми учениками, которые в тот день были оставлены после уроков?

Сержант Будапешт прокашливается.

– Следствие продолжается, но я приехал, потому что у меня конкретный вопрос к Эдди. В день смерти Саймона ты была в медпункте?

Я в замешательстве бросаю взгляд на Эштон и снова смотрю на сержанта.

– Нет.

– Была, – настаивает он. – В журнале у медсестры это отмечено.

Я смотрю в камин, но чувствую, как Эштон сверлит меня взглядом. Я наматываю на палец прядь волос и нервно ее вытягиваю.

– Я этого не помню.

– Ты не помнишь, как в понедельник ходила к медсестре?

– Ну, я часто туда хожу, – быстро отвечаю я. – От головной боли что-то взять или еще что. Наверное, так. – Я морщу лоб, будто с трудом припоминая, а потом смотрю сержанту прямо в глаза. – Да, вспомнила! У меня были месячные и очень болел живот. Мне был нужен тайленол.

Сержант Будапешт из тех людей, которые легко краснеют. Он багровеет, а я вежливо улыбаюсь, оставив волосы в покое.

– И ты получила то, что тебе было нужно? Именно тайленол?

– А зачем вам это знать? – спрашивает Эштон. Она перекладывает диванную подушку так, чтобы морская звезда, выложенная из настоящих раковин, не врезалась ей в спину.

– Видите ли, один из вопросов, на которые мы ищем ответ, таков: как вышло, что в медпункте в момент приступа аллергии у Саймона не было ни одного «ЭпиПена»? Сестра утверждает, что с утра было несколько штук. Но днем не оказалось ни одного.

Эштон напрягается:

– Вы же не думаете, что их могла взять Эдди!

Мама поворачивается ко мне со слегка удивленным лицом, но молчит.

Если сержант Будапешт и замечает, что роль родительницы взяла на себя моя сестра, то никак на это не реагирует.

– Никто этого не говорит. Но не видела ли ты эти шприцы, когда была там, Эдди? В журнале медсестры сказано, что ты была там в час дня.

Сердце у меня бьется слишком быстро, но я спокойно отвечаю:

– Я даже не знаю, как они выглядят.

Он заставляет меня снова рассказать ему все, что я помню о событиях того дня после уроков, потом задает кучу вопросов про тот пост из «Тамблера». Эштон насторожена и заинтересована, она подалась вперед и все время перебивает, а мама дважды выходит в кухню долить себе вина. Я смотрю на часы, потому что мы с Джейком должны скоро ехать на море, а я еще и не начинала краситься. Прыщ сам по себе не замажется.

Вставая, наконец, чтобы уйти, сержант Будапешт оставляет мне визитку.

– Если еще что-нибудь вспомнишь, Эдди, позвони, – говорит он. – Никогда не знаешь, что может оказаться важным.

– О'кей, – киваю я, суя карточку в задний карман джинсов.

Сержант прощается с мамой и Эштон, я открываю ему дверь. Эштон стоит рядом со мной, прислонившись к дверному косяку, и мы смотрим, как сержант Будапешт садится в свой служебный фургон и выезжает задним ходом.

Я вижу, что Джастин уже приехал: он стоит, пропуская сержанта, чтобы въехать, и это заставляет меня двигаться быстрее. Я не хочу с ним разговаривать, и я еще не накрашилась. Поэтому я бегу вверх, и Эштон тут же следует за мной. Моя комната самая большая в доме после гостиной и раньше принадлежала Эштон – мне она досталась после ее свадьбы. Эштон все еще чувствует себя в ней как дома, будто и не уезжала.

– Про «Тамблер» ты мне не рассказывала, – говорит она, растягиваясь на моем белом покрывале и раскрывая последний номер «Ю-Эс уикли».

Эштон еще светлее, чем я, но волосы у нее коротко пострижены, чего наша мать терпеть не может. А по-моему, симпатично. Если бы Джейку так сильно не нравились мои волосы, я бы тоже задумалась о такой стрижке.

Я сижу перед зеркалом и тоном замазываю прыщ на виске.

– Кто-то сгущает краски, вот и все, – отмахиваюсь я.

– А ты и правда не помнишь, что ходила в медпункт? Или просто отвечать не хотела? – допытывается Эштон.

Я верчу в пальцах крышку от тюбика с тоном, но меня выручает мой телефон, наигрывающий мелодию Рианны. «Единственная» – сигнал о пришедшем сообщении. Эштон берет телефон с ночного столика и докладывает:

– Джейк уже почти здесь.

– Эш, ну боже мой! – Я кидаю на нее сердитый взгляд в зеркало. – Нельзя же хватать чужой телефон! Вдруг это было бы что-нибудь личное?

– Извини, – говорит она тоном, не предполагающим раскаяния. – С Джейком у тебя все в порядке?

Я поворачиваюсь к ней на стуле, нахмурившись.

– А почему должно быть не в порядке?

Эштон выставляет в мою сторону ладонь.

– Просто спросила, Эдди, я ни на что не намекаю. – Она мрачнеет. – Нет причин думать, что у тебя выйдет, как у меня. Мы же с Чарли не были парой еще со школы.

Я удивленно моргаю. Вообще-то я какое-то время подозревала, что у них с Чарли не все гладко: во-первых, она вдруг стала много времени проводить здесь, во-вторых, ее муж месяц

назад на свадьбе нашей кузины открыто флиртовал с похожей на шлюху подружкой невесты, – но раньше Эштон не говорила о разладе открыто.

– А что, все так плохо?

Она пожимает плечами, выпускает из рук журнал и трогает свои ногти.

– Сложно. Брак на самом деле куда более трудная вещь, чем кажется. Скажи спасибо, что тебе еще не надо принимать решения, от которых зависит твоя жизнь. – Она поджимает губы. – Только не слушай, что тебе мама зудит. Радуйся своим семнадцати годам.

Не могу. Я слишком боюсь, что все испортится. Что уже испортилось.

Мне очень хочется довериться Эштон – такое было бы облегчение все выложить. Обычно я все рассказываю Джейку, но *это* я ему рассказать не могу. А кроме него в этом мире нет буквально ни одного человека, кому я верю. Никому из друзей, уж точно не матери, и даже не сестре. Потому что хотя она, наверное, и желает мне добра, но бывает ужасно агрессивна в отношении Джейка.

Раздается звонок в дверь, и Эштон кривит губы в полуулыбке.

– Идеал собственной персоной, – говорит она. Саркастически, как и ожидалось.

Не отвечая, я устремляюсь вниз по лестнице и открываю дверь с широкой улыбкой, которую не могу сдержать при мысли, что сейчас увижу Джейка. Он стоит в дверях в своей футбольной куртке, с растрепанными ветром каштановыми волосами и улыбается мне точно так же, как я ему.

– Хай, детка!

Я уже готова его поцеловать, как вижу другого человека у него за плечом – и замираю на месте.

– Ты не против, если мы подвезем Т. Д.?

У меня к горлу поднимается нервный смех, но я его не выпускаю.

– Нет, конечно. – Я его целую, но счастливый момент испорчен.

Т. Д. кидает на меня быстрый взгляд и тут же опускает глаза.

– Вы меня простите, ребята. У меня машина сломалась, и я хотел дома остаться, но Джейк настоял...

Джейк пожимает плечами:

– Ты же собирался. Нет смысла пропускать вечер из-за машины. – Он переводит глаза с моего лица на мои кроссовки и спрашивает: – Ты в этом поедешь, Эдс?

Это не то чтобы критика, но на мне свитер Эштон, а Джейку не нравится, когда я одета во что-то бесформенное.

– Так ведь там будет холодно, – говорю я осторожно, и он усмехается:

– Я тебя согрею. Надень что-нибудь посимпатичнее, ладно?

Я улыбаюсь несколько напряженно, возвращаюсь в дом и медленно поднимаюсь по лестнице, потому что Эштон наверняка еще не успела уйти из моей комнаты. Конечно же, она сидит на моей кровати, листая журнал, и, когда я лезу в шкаф, сдвигает брови.

– Так быстро вернулась?

Я достаю легинсы и расстегиваю джинсы.

– Переодеваюсь.

Эштон закрывает журнал и молча смотрит на меня, пока я меняю ее бесформенный свитер на обтягивающий.

– Ты в этом замерзнешь, – говорит она. – Сегодня холодно. – Она фыркает, не веря своим глазам, когда я снимаю кроссовки и обуваю босоножки на шпильках. – Ты *в этом* поедешь на пляж? Джейк предложил тебе переодеться?

Я сую снятую одежду в корзину, не отвечая на ее вопросы.

– Эш, пока!

– Эдди, стой!

Презрительно-ворчливые нотки в ее голосе исчезли, но меня это не интересует: я сбегаю по лестнице и выхожу из дома прежде, чем она успевает что-нибудь сказать. Меня тут же пронизывает ветер, но Джейк одобрительно мне улыбается и во время короткого пути к машине обнимает за плечи.

Вся эта поездка мне неприятна. Противно сидеть и притворяться веселой, когда меня тошнит. Противно слушать, как Джейк с Т. Д. обсуждают завтрашнюю игру. Противно слышать последнюю песню группы «Fall Out Boy» и слова Т. Д.: «Нравится мне эта мелодия», потому что мне она больше нравится не может. Но больше всего мне противно то, что не прошло и месяца с нашего с Джейком судьбоносного первого раза, как я напилась и переспала с Т. Д. Форрестером.

Когда мы приезжаем к пляжу, Купер и Луис уже разводят костер, а Джейк недовольно хмыкает, ставя машину на паркинг.

– Каждый раз они все делают неправильно, – ворчит он, вылезая из машины и направляясь к ним. – Ребята, слишком близко к воде!

Мы с Т. Д. выбираемся из машины медленнее, не глядя друг на друга. Я сразу мерзну и обхватываю себя руками на ветру.

– Хочешь мою курт... – начинает Т. Д., но я его обрываю:

– Нет.

Я направляюсь к воде, чуть не падая в своих дурацких туфлях, когда ступаю на песок.

Т. Д. идет рядом со мной и протягивает руку – поддержать.

– Послушай, Эдди, – шепчет он, и его мятное дыхание касается моей щеки. – Обязательно надо, чтобы все было так неловко? Я никому не собираюсь ничего говорить.

Мне не за что на него злиться, он не виноват. Это я запсиховала, переспав с Джейком, стала думать, что он теряет ко мне интерес, и с каждым разом, когда он слишком долго не отвечал на сообщение, этот страх становился сильнее. Это я стала заигрывать с Т. Д. на этом пляже летом, когда Джейк был на каникулах. Это я заставила Т. Д. найти бутылку рома и выпила почти половину, запивая диетической колой.

И в какой-то момент расхохоталась так сильно, что кола полилась у меня из ноздрей, что Джейку показалось бы отвратительным. А Т. Д. только сказал: «Эдди, вау! Это было заманчиво. Ты меня заводишь».

И это я тогда его поцеловала. И я предложила поехать к нему домой. Так что на самом деле его вины в этом не было.

Мы доходим до края пляжа и видим, как Джейк тушит костер, чтобы разложить его там, где считает правильным. Я украдкой кидаю взгляд на Т. Д. и вижу мелькнувшие ямочки на его щеках, когда он машет в сторону ребят.

– Просто забудь, что это вообще было, – говорит он еле слышно.

Его голос звучит искренне, и у меня в груди вспыхивает надежда. Может быть, мы и в самом деле сумеем сохранить эту тайну. «Бэйвью» – школа, склонная к сплетням, но хотя бы у каждого над головой уже не висит «Про Это». И если быть честной до конца, то я не могу не признать: это облегчение.

Глава 6. Купер

Суббота, 29 сентября, 18.15

Я смотрю на бьющего, прищурившись. У нас полный счет, и последние две подачи он отбил в фаул. Он заставляет меня работать, и это не очень хорошо. На показательной игре вроде этой в противостоянии с праворуким вторым бейсменом с посредственными результатами я должен был уже его скосить.

Трудность в том, что я не могу сосредоточиться. Неделя была адской.

Папа на трибуне, и я совершенно точно знаю, что он сейчас делает. Сняв с головы бейсболку, мнет ее в руках и таращится в сторону горки. Будто мне поможет, если он будет прожигать взглядом дыру у меня в спине.

Я беру мяч в перчатку и смотрю на Луиса, который в этом сезоне играет со мной кэтчером. Он тоже состоит в футбольной команде «Бэйвью-Хай», но получил разрешение пропустить сегодня игру, поэтому может быть здесь. Он сигналил подавать фастбол, но я качаю головой. Я уже пять таких подал, и этот парень каждый из них разгадал.

Я качаю головой снова и снова до тех пор, пока он не дает сигнал, которого я жду. Луис слегка меняет стойку, и мы достаточно долго играем вместе, чтобы я мог прочесть его мысли: «Ну, как знаешь».

Я ставлю пальцы на мяче, собираюсь, готовясь к броску. Это не коронная подача, и если у меня не выйдет, то получится большой жирный софтбол, и этот парень его разнесет. Я замахиwaюсь и закручиваю изо всех сил.

Подача направлена прямо на середину планки, и бьющий принимает ее радостным торжествующим свингом. Но тут мяч меняет траекторию, уходит из зоны страйка прямо в перчатку Луиса. Стадион взрывается криками, а бьющий мотает головой, будто не может понять, что случилось. Я поправляю кепку и стараюсь скрыть удовлетворение. Этот слайдер я отрабатывал целый год.

Следующего бьющего я выбиваю тремя прямыми фастболами. Последний доходит до девяноста трех – самая быстрая на моем счету подача. В исполнении левши – неотбиваемая. За два иннинга я сделал три страйк-аута, два граунд-аута и длинный флайбол, который мог бы дать дабл, если бы правый филдер не поймал его в падении. Вот об этой подаче я жалею – мяч у меня не закрутился, – но в остальном я очень неплохо провел игру.

Я нахожусь в Петко-парке на стадионе «Сан-Диего Падрес» по случаю показательной игры, на которую пускают только по приглашениям. Отец настоял на моем участии, хотя до панихиды по Саймону всего час. Организаторы согласились, чтобы я подавал первым и ушел раньше, так что я пропускаю все обычные послеигровые ритуалы, принимаю душ, и мы с Луисом выходим из раздевалки искать папу.

Я уже вижу его, но тут меня кто-то окликает:

– Купер Клей?

У направляющегося ко мне человека вид преуспевающий – другого описания не найти. Отличная одежда, отличная прическа, правильная доза загара и уверенная улыбка. Он протягивает мне руку:

– Джош Лэнгли из «Падрес». Я несколько раз говорил с вашим тренером.

– Да, сэр. Приятно познакомиться, – отвечаю я.

Отец улыбается во весь рот, будто получил ключи от «Ламборгини». Ему удастся представиться Джошу, не пуская радостные слюни.

– Чертовски хороший слайдер у тебя получился, – хвалит Джош. – Прямо от планки ушел.

– Спасибо, сэр.

– И скорость фастбола хорошая. Ты здорово прибавил с весны, правда?

– Я старался. Наращивал силу руки.

– Большой скачок за короткий срок, – замечает Джош, и на миг это заявление повисает между нами как вопрос. Потом он хлопает меня по плечу. – Что ж, сынок, так держать. Приятно видеть у себя на радаре местного. Облегчает мне работу, меньше ездить. – Он улыбается, блеснув зубами, кивает на прощание папе и Луису и уходит.

«Большой скачок за короткий срок». Да, это так. От восьмидесяти восьми до девяноста трех миль в час за несколько месяцев – вещь необычная.

Отец всю дорогу до дома не затыкался, то напоминая мне о моих ошибках, то о Джоше Лэнгли. Но он в хорошем настроении, больше доволен появлением скаута «Падрес», нежели расстроен тем, что на мне кто-то чуть не сделал хит.

– Родные Саймона будут? – спрашивает он, подъезжая к «Бэйвью-Хай». – Передай им мои соболезнования.

– Не знаю, – отвечаю я. – Может быть, это чисто школьное мероприятие.

– Шапки-то снимите, ребята, – напоминает отец.

Луис сует свою в карман футбольной куртки, и папа нетерпеливо барабанит пальцами по рулю, пока я снимаю шапку.

– Купер, давай. Пусть это на улице, но все равно церковная служба. Оставь в машине.

Я слушаюсь его и выхожу, но, когда провожу пальцами по волосам и закрываю дверцу, мне хочется надеть ее снова. Я словно голый, а люди на меня уже и без того всю неделю таращатся. Будь моя воля, я бы поехал домой и провел спокойный вечер, глядя бейсбол с братом и бабулей, но пропустить панихиду по Саймону никак не могу: я один из последних, кто видел его живым.

Мы идем к толпе на футбольном поле, и в сообщении я спрашиваю у Кили, где наши друзья. Она отвечает, что они в передних рядах, так что мы ныряем под трибуны, и я пытаюсь разглядеть их с боковых линий. Я смотрю на толпу и поэтому не замечаю девушку перед собой, пока чуть не натыкаюсь на нее. Она прислонилась к столбу и смотрит на футбольное поле, засунув руки в карманы свободной куртки.

– Извини, – говорю я и тут понимаю, кто это. – Лея, привет! Ты тоже туда?

В этот момент мне хочется проглотить язык, потому что вот чего не может быть, так это того, чтобы Лея Джексон пришла оплакивать Саймона. Она в прошлом году реально пыталась из-за него покончить с собой. Он написал, что она переспала с кучей новичков, и соцсети несколько месяцев не давали ей покоя. Она вскрыла себе вены и потом до конца года не ходила в школу.

– Ага, разбежалась, – фыркает она. – Земля ему булыжником. – Она смотрит на разворачивающееся действие, ковыряя землю носком ботинка. – Его никто на дух не переносил, но все держат свечки, будто это был мученик, а не урод со сплетнями.

Она не так уж не права, но я сомневаюсь, что сейчас время для такой честности. И все же я не пытаюсь защищать Саймона перед ней.

– Мне кажется, люди пришли выразить соболезнование. – Я пытаюсь говорить нейтрально.

– Лицемеры, – бросает она, глубже засовывая руки в карманы. Потом выражение ее лица меняется, и она вытаскивает телефон с хитрой гримасой. – Последнее видели?

– Последнее что? – спрашиваю я с неприятным ощущением под ложечкой.

Одна из лучших вещей в бейсболе – невозможность проверять телефон, пока играешь.

– По почте пришло обновление с «Тамблера».

Лея проматывает несколько картинок и протягивает мне телефон. Я неохотно его беру и смотрю на экран, а Луис читает у меня из-за плеча:

Пора кое-что прояснить.

У Саймона была тяжелая аллергия на арахис – так чего бы не сунуть ему в бутерброд «плантерс» и делу конец?

Я за Саймоном Келлехером наблюдал не один месяц. Все, что он ел, было завернуто в дюймовой толщины целлофан. Свою бутылку с водой он таскал повсюду и пил только из нее.

Но он десяти минут не мог провести, не глотнув. Можно сделать вывод, что, если ее не окажется под рукой, он будет вынужден пить простую воду из-под крана. И вот я ее взял.

Я провел много времени, думая, как добавить арахисовое масло в то, что пьет Саймон. В каком-то замкнутом пространстве без питьевого фонтанчика. Класс мистера Эйвери казался практически идеальным местом.

Мне тяжело было смотреть, как умирает Саймон. Я не социопат. В тот момент, когда он так жутко покраснел и стал ловить ртом воздух... если бы я мог, то прекратил бы это.

Но я не мог. Потому что, понимаете ли, это я взял у него «ЭпиПен». И все до последнего «ЭпиПены» из медпункта.

У меня начинает колотиться сердце. Первый пост был достаточно неприятен, но этот – этот написан так, будто его автор был с нами, когда у Саймона случился приступ. Будто он один из нас.

– Ни хрена себе, – фыркает Луис.

Лея пристально смотрит на меня. Я, поморщившись, отдаю ей телефон:

– Надеюсь, найдут того, кто это пишет. Читать противно.

Она дергает плечом.

– Наверное, найдут. – И собирается уходить. – Веселого вам отпевания, ребята. А я пошла.

– Счастливо, Лея.

Я подавляю порыв уйти вслед за ней, и мы с Луисом продвигаемся вперед, пока не доходим до десятиардовой линии. Я начинаю продвигаться сквозь толпу и наконец нахожу Кили и наших друзей. Кили дает мне свечку, зажигая ее от своей, и берет меня под руку.

Директор Гупта подходит к микрофону и постукивает по нему.

– Ужасная неделя для нашей школы, – говорит она. – Но как приятно видеть, что вы собрались тут сегодня.

Мне следует думать о Саймоне, но голова забита другим. Я размышляю о Кили, которая слишком сильно стискивает мне руку. О Лее, сказавшей то, что другие не осмелятся произнести вслух. О новом посте из «Тамблера» – размещенном как раз перед панихидой по Саймону. И о Джоше Лэнгли с его ослепительной улыбкой.

Большой скачок за короткий срок.

Конкурентные преимущества – они такие. Иногда они слишком хороши, чтобы быть правдой.

Нейт

Воскресенье, 30 сентября, 12.30

Моя кураторша испытательного срока не самая ужасная. Ей за тридцать, внешность ничего, с чувством юмора. Но со своими расспросами о школе она хуже зубной боли.

– Как твой экзамен по истории?

Каждое воскресенье мы сидим у меня на кухне. Стэн гуляет по столу, и это никого не смущает, потому что он ей нравится. Во время посещения Лопес, по традиции, папаша наверху. В ее обязанности входит проверить, достаточен ли надзор за мной. Что представляет собой мой родитель, она поняла с первого взгляда, но знает, что деваться мне некуда, а попечение государства может быть и похуже, чем жизнь с алкоголиком. Когда отца нет рядом, легче делать вид, что он вполне годный опекун.

– Прошел, – отвечаю я.

Она терпеливо ждет продолжения. Не дождавшись, задает вопрос:

– Ты занимался?

– Мне вроде как не до того было, – напоминаю я.

Она слышала историю Саймона от друзей-копов, и первые полчаса после ее прихода мы об этом и говорили.

– Понимаю. Но не отставать в школе – это важно, Нейт. Входит в условия.

Про это условие она напоминает каждый раз. Графство Сан-Диего ужесточает борьбу с наркопреступлениями несовершеннолетних, и она считает, что мне повезло попасть на испытательный срок. Если ее отчет будет негативным, я могу вновь оказаться перед разозленным судьей. А наркота вполне может потянуть на малолетку. Так что утром каждого воскресенья, до ее прихода, я собираю все непроданные наркотики и одноразовые телефоны и засовываю их в сарай нашего соседа, который давно выжил из ума. На всякий случай.

Лопес протягивает ладонь Стэну, который ползет к ней и на полпути теряет интерес. Она берет его и кладет себе на руку.

– А как в остальном твоя неделя? Расскажи что-нибудь позитивное.

Она всегда это говорит, как будто жизнь полна возвышенной ерунды, и я могу ее накапливать и докладывать о ней каждое воскресенье.

– Играл в «ГТА», выиграл три тысячи.

Она закатывает глаза. У меня дома она это часто делает.

– Что-нибудь еще. Насколько ты продвинулся к своим целям?

Боже мой, «к своим целям»! На первой встрече она заставила меня составить список. Не то чтобы мне в нем что-то было не пофиг – просто я знал, что она хочет услышать насчет школы и работы. И друзей, которых, как она поняла, у меня сейчас нет. Есть такие, с которыми я развлекаюсь, есть кому продаю, есть кого трахаю, но никого из них другом бы я не назвал.

– В смысле целей неделя получилась медленная.

– Ты смотрел ту брошюру «Алатина», которую я тебе оставила?

Нет, не смотрел. Не нужны мне брошюры, рассказывающие, как это плохо, когда твой единственный родитель пьет, и уж точно мне не нужно разговаривать об этом с компанией нытиков в каком-нибудь церковном подвале.

– Ага, – вру я. – О ней как раз и думаю.

Не сомневаюсь, что она видит меня насквозь – не дура. Но тему не развивает.

– Приятно слышать. Возможность поделиться опытом с другими ребятами, у которых родители страдают тем же, иногда преображает человека.

Надо отдать Лопес должное: она не падает духом. Если бы нас окружали ходячие мертвецы в зомби-апокалипсисе, она бы и в этом сумела найти положительные моменты. «Твой

мозги все еще у тебя в черепе, так ведь? Тоже способ бороться с судьбой!» Ей бы хотелось хоть раз услышать от меня что-то положительное. Типа как я провел вечер пятницы с Бронвин Рохас, нацелившейся на «Лигу плюща», и не опозорился. Но я не стану начинать этот разговор с сотрудницей полиции Лопес.

Сам не знаю, зачем я туда заявился. Мне было беспокойно, я смотрел на викодин, оставшийся после раздачи, и думал, не попробовать ли – узнать, о чем весь этот шум. Я никогда не ступал на эту дорогу, потому что не сомневаюсь: все кончится тем, что я буду лежать в отключке рядом с папашей, пока нас не выставят на улицу за неуплату ипотеки.

Так что вместо этого я поехал к Бронвин. Не ожидал, что она выйдет и пригласит меня зайти. Слушать, как она играет на рояле, было даже как-то странно. Ощущение... почти покоя.

– Как там переживают смерть Саймона? Похороны уже были?

– Сегодня. Школа прислала письмо. – Я смотрю на часы микроволновки. – Примерно через полчаса.

Она резко поднимает брови.

– Ты должен пойти, Нейт. Это будет правильно. Почти его память. Это, кстати, будет полезно для снижения посттравматического эффекта.

– Спасибо, не хочу.

Она прокашливается и сурово смотрит на меня.

– Сформулируем иначе. Ты пойдешь на эти чертовы похороны, Нейт Маколи, или в следующем рапорте я не буду смотреть сквозь пальцы на твои пропуски занятий. Я поеду с тобой.

Вот так я и оказался на похоронах Саймона Келлехера со своим куратором из полиции.

Приезжаем мы поздно. Церковь Святого Антония уже битком, и мы едва находим место на последней скамье. Служба еще не началась, но разговоры стихли, и когда сидящий перед нами старик кашляет, по всей церкви разносится эхо. Запах ладана возвращает меня в среднюю школу, когда мама каждое воскресенье возила меня к мессе. С тех пор я ни разу не был в церкви, но здесь ничего не изменилось: красные ковры, блестящее темное дерево, высокие цветные витражи. Отличие только одно: здесь сейчас полно копов.

Они не в форме, но я их вычислил. И Лопес тоже. Постепенно некоторые начинают поглядывать в мою сторону, и у меня возникает параноидальная мысль, что Лопес заманила меня в ловушку. Но на мне ничего нет, так чего они пялятся?

И не только на меня. Я вижу, как они смотрят на Бронвин – она сидит в передних рядах с родителями, на Купера и ту блондинку – она устроилась в середине, с подругами. У меня начинается неприятно покалывать затылок. Тело напрягается, готовое метнуться, но Лопес кладет ладонь мне на руку. Она ничего не говорит, но я остаюсь сидеть.

Некоторые толкают речь – я никого не знаю, кроме этой готской девицы, которая всюду таскалась за Саймоном. Она читает какое-то странное раскатистое стихотворение, и голос у нее все время дрожит.

Умирает прошедшее, и настоящее с ним, –
Я собой их заполнил и опустошил,
А ныне собой заполняю ближайшую щель в грядущем.
Ты, кто слышит меня! Тайной ли хочешь со мной поделиться?
Неотрывно смотри мне в лицо, пока воздух ночной я вдыхаю
(Только будь честен – ведь нас никто не услышит,
я же с тобою
Могу провести лишь минуту).

Противоречу ль себе я?
Да пусть его – хоть бы и противоречил.

(Ведь я так огромен – в себе я вмещаю столь многих)...

Ты успеешь ли высказать все, пока не отправился в путь я?
Или заговоришь, когда будет уж слишком поздно?..

Словно ветер, я улетаю, и белые кудри волос развеваю
Вослед уходящему солнцу,
Плоть морскими волнами вздымаю, пластаю кружевом пены в
прибое.

Липкой грязи себя завещаю – и да прорастут сквозь меня
Мои любимые травы,
Если вновь повидаться захочешь, ищи меня
Под каблуками своих сапог.

Ты, конечно, меня не узнаешь, не услышишь беззвучного слова,
Но я все равно одарю тебя добрым здоровьем,
Крови ток укреплю и очищу.

Если же сразу меня отыскать не сумеешь – не оставляй попыток;
Нет меня здесь – ну, а ты поищи там и сям.
Помни: где-нибудь все же стою я, тебя ожидая.³

– «Песня о себе», – говорит вполголоса Лопес, когда девушка замолкает. – Интересный выбор.

Снова звучит музыка, потом опять чтение, и наконец все заканчивается. Священник сообщает, что похороны будут закрытыми – только для родственников. Меня это устраивает. Мне никогда в жизни не хотелось так откуда-нибудь смыться, и я готов стартовать раньше, чем процессия пройдет по проходу, но Лопес снова кладет ладонь мне на руку.

Группа старшеклассников выносит из дверей гроб Саймона. За ними пристраиваются человек двадцать в темном, в конце – мужчина и женщина, держащиеся за руки. У женщины тонкое треугольное лицо, как у Саймона. Она смотрит в пол, но, когда проходит мимо нашей скамейки, встречается со мной глазами – и не успевает подавить яростный всхлип.

Проходы заполняются людьми, кто-то боком продвигается к нам с Лопес. Это коп в штатском, пожилой мужик со стрижкой ежиком. Он улыбается, будто мы с ним знакомы.

– Нейт Маколи? – спрашивает он. – У тебя найдется пара минут, сынок?

³ У. Уитмен. «Листья травы. Песня о себе». Перевод Н. Сидемон-Эристави.

Глава 7. Эдди

Воскресенье, 30 сентября, 14.05

Выйдя из церкви, я прикрываю глаза ладонью от солнца и высматриваю Джейка. Носильщики поставили гроб Саймона на что-то вроде металлической каталки, потом отступили, и похоронщики стали грузить эту тележку в катафалк. Я опускаю глаза, не желая смотреть, как тело Саймона засовывают внутрь, подобно большому чемодану, и тут меня кто-то трогает за плечо.

– Эдди Прентис? – Пожилая женщина в плохо скроенном синем костюме улыбается мне вежливой профессиональной улыбкой. – Я детектив Лора Уилер из полиции Бэйвью. Хочу задать несколько вопросов по поводу вашей с сержантом Будапештом беседы о смерти Саймона Келлехера. Ты не могла бы пройти со мной в участок на пару минут?

Я смотрю на нее, облизывая губы, и хочу спросить зачем, но у нее такой спокойный и уверенный вид, будто это самая естественная вещь на свете – отозвать меня в сторону после похорон и спрашивать кажется мне грубым.

Тут ко мне подходит Джейк, очень красивый в своем костюме, и дружелюбно, но с любопытством улыбается детективу. Я перевожу взгляд на него, потом на нее, опять на него и неуверенно спрашиваю:

– А... обязательно идти? Мы здесь поговорить не можем?

Она морщится.

– Здесь очень людно, тебе не кажется? А мы прямо за углом. – Она скупно улыбается Джейку: – Детектив Лора Уилер, полиция Бэйвью. Хочу одолжить у вас Эдди ненадолго и прояснить кое-что, относящееся к смерти Саймона Келлехера.

– Ради бога, – произносит он, будто это все решает. – Эдс, кинь мне сообщение, когда тебя надо будет подвезти. Мы с Луисом будем где-нибудь в центре. Голодные как волки, и еще нам надо обсудить план атаки на субботнюю игру. Наверное, пойдем в «Гленнз».

Все решено, понимаю я. И иду за Уилер по мощеной дорожке за церковью, выводящей на тротуар, хотя мне совсем не хочется этого делать. Может быть, именно это и имеет в виду Эштон, когда говорит, что я за себя ничего не решаю.

До участка три квартала, и мы молча идем мимо хозяйственного магазина, мимо почты, мимо кондитерской, где маленькая девочка безутешно рыдает из-за того, что ей сбрызнули мороженое шоколадом, а не радугой. Я думаю, не сказать ли детективу, что мать будет волноваться, если я не приеду домой сразу, но не знаю, смогу ли выговорить это без смеха.

Мы минуем металлодетекторы перед участком, и детектив Уилер ведет меня прямо в глубь здания в небольшую комнатку, где слишком жарко. Я никогда не была в участке и думала, что тут будет как-то... не знаю, официальнее, что ли. Комната похожа на кабинет для совещаний в дирекции нашей школы, только освещение похуже. Мигающая флуоресцентная лампа на потолке подчеркивает на лице Уилер каждую морщину и придает ее коже неприятный желтый оттенок.

Интересно, как сейчас выгляжу я.

Она предлагает мне что-нибудь выпить, я отказываюсь, потом она выходит на несколько минут и возвращается с перекинутой через плечо почтовой сумкой и в обществе невысокой темноволосой женщины. Обе садятся за низкий металлический стол напротив меня, Уилер ставит сумку на пол.

– Эдди, это Лорна Шелауб, специалист по контакту с семьями из управления школ Бэйвью. Она здесь присутствует как заинтересованный взрослый с твоей стороны. Наша беседа не является допросом с задержанием. Ты не обязана отвечать на мои вопросы и можешь в любой момент уйти. Тебе это понятно?

На самом деле нет. После слов «заинтересованный взрослый» я уже перестала понимать. Но я отвечаю «конечно», хотя у меня только одна мысль: лучше бы я сразу поехала домой. Или пусть бы Джейк был здесь со мной.

– Вот и хорошо. Надеюсь, у тебя достаточно мужества для разговора со мной. У меня такое чувство, что изо всех ребят, замешанных в этом деле, ты, вероятнее всего, могла быть втянута в него без злого умысла.

– Без чего? – переспрашиваю я.

– Без злого умысла. Я тебе кое-что покажу. – Она лезет в сумку и достает ноутбук.

Мы с мисс Шелауб смотрим, как она открывает его и нажимает на клавиши. Я втягиваю щеки, гадая, не собирается ли она показать мне те посты с «Тамблера». Может быть, полиция считает, что их написал кто-то из нас ради мерзкой шутки? Если бы меня спросили, кто это, – мне, наверное, пришлось бы сказать, что Бронвин. Потому что пост такой, будто написан человеком раз в десять умнее остальных.

Детектив Уилер поворачивает ноутбук ко мне. Я не очень понимаю, на что смотрю, похоже на какой-то блог с логотипом «Про Это» в центре первой страницы. В ответ на мой вопросительный взгляд Уилер поясняет:

– Это панель администратора, с которой Саймон управлял контентом «Про Это». Текст ниже помечен прошлым понедельником, это его последние посты.

Я наклоняюсь и читаю:

Впервые героиней этого приложения становится Б. Р., хорошая девочка, обладательница идеальной академической истории. Хотя «А» по химии она получила не честной усердной работой – разве что так назвать кражу тестов с гугл-диска мистера К. Кто-нибудь, позвоните в Йель...

На другом конце спектра наш самый популярный уголовник Н. М. вернулся к тому, что у него получается лучше всего. Его приходы в школу – приходы у школьников. Но ведь это же нарушение условий испытательного срока, да, Н.?

М. Л. Б. плюс К. К. равно целой куче зелени к июню, правда? Кажется неизбежным, что левша из «Бэйвью» прорвется в главную лигу... хотя разве у них нет жестких правил против допинга? Потому что показатели К. К. слишком резко выросли за сезон отбора.

А. П. и Д. Р. – идеальная пара. Принцесса бала и звездный раннинг-бэк, три года любовного стажу. Если только не считать небольшого интимного зигзага А. с участием Т. Ф. в его пляжном домике. Зигзаг тем более неловкий, что эти парни – друзья. Вдруг они решат поделиться впечатлениями?

У меня перехватывает дыхание. Как? Саймон мертв, он не мог это разместить. Кто-то перехватил это у него? Тот, кто постил на «Тамблере»? Как, почему, когда – не важно. Важно только одно: это *есть*. Джейк это увидит, если уже не увидел. Все, что я прочла до своих инициалов, все, что меня потрясло, когда я поняла, о ком это, вылетело начисто. Не осталось ничего, кроме моей глупой, ужасной ошибки, выставленной на всеобщее обозрение черными буквами по белому экрану. Джейк узнает. И никогда, никогда меня не простит.

Я чуть не складываюсь пополам, роняя голову на стол, и не могу понять поначалу, что говорит мне детектив Уилер. Потом до меня начинает доходить.

– Понимаю, какое у тебя было ощущение капкана... желание не дать это опубликовать... Если ты нам скажешь, Эдди, что случилось, мы сможем тебе помочь...

И доходит только одно:

– Так это не опубликовано?

– Это было поставлено в очередь в тот день, когда Саймон умер, но возможности запостить у него не было, – спокойно отвечает Уилер.

Спасение! Джейк этого не видел. Никто не видел. Кроме... вот этой полицейской и других полицейских, может быть. То, о чем думаю я и о чем она, – это две разные вещи.

Детектив Уилер наклоняется вперед, растягивая губы в улыбке, но ее взгляд остается напряженным.

– Ты, наверное, узнала инициалы: остальные истории были про Бронвин Рохас, Нейта Маколи и Купера Клея. Вы вчетвером и были с Саймоном, когда он умер.

– Это... это совпадение, – говорю я наконец.

– А как иначе? – соглашается детектив Уилер. – Эдди, ты уже знаешь, как умер Саймон. Мы исследовали класс мистера Эйвери и не установили, каким путем арахис мог попасть в чашку Саймона, кроме одного: кто-то добавил его туда после того, как Саймон налил воды. В помещении были только шестеро, один из них мертв. Ваш учитель вышел достаточно надолго. Остались вы четверо, и у каждого была причина заставить его замолчать. – Она не повышает голоса, но он наполняет мне уши, как жужжание целого улья. – Ты понимаешь, к чему я веду? Это могла осуществить группа людей, но это не значит, что у тебя равная с другими ответственность. Очень большая разница – подать идею или следовать ей.

Я смотрю на мисс Шелауб. Судя по ее виду, она *заинтересована*, но не так, как мне хотелось бы.

– Я вас не понимаю.

– Ты солгала о том, что не была в медпункте, Эдди. Тебя кто-то попросил об этом? Убрать «ЭпиПены», чтобы Саймон не мог получить помощь?

Сердце у меня колотится. Я наматываю на палец прядь волос.

– Я не солгала, а забыла.

Боже мой, а что, если она заставит меня пройти детектор лжи? Я же не пройду.

– В наши дни жизнь здорово давит на людей твоего возраста, – говорит Уилер почти дружелюбным тоном, но глаза ее все так же непроницаемы. – Одни только социальные сети – это же получается, что ошибиться вообще нельзя? За тобой следят всюду. Суд очень снисходителен к впечатлительным молодым людям, действующим поспешно, когда им кажется, что положение отчаянное. Особенно если эти молодые люди помогают нам открыть правду. Семья Саймона имеет право знать правду, как ты думаешь?

Я сутулюсь, подергиваю волосы. Не знаю, что делать. Джейк бы знал, но его здесь нет. Я смотрю на мисс Шелауб, заправляющую волосы за уши, и вдруг у меня в ушах звучит голос Эштон: «Ты не обязана отвечать ни на какие вопросы».

Ага. И детектив Уилер сказала то же самое в самом начале, и эти слова выносят из мозга все прочее, оставляя облегчение и ясность.

– Я пойду. – Я произношу это с уверенностью, но на самом деле не уверена на сто процентов, что все получится. Я встаю и жду, что она станет меня останавливать, но этого не происходит.

– Имеешь право, – кивает Уилер. – Как я тебе сказала, это не допрос с задержанием. Но, пожалуйста, пойми, что после твоего ухода я уже не смогу тебе помочь.

– Мне ваша помощь не нужна, – отвечаю я и выхожу из дверей, потом из участка.

Никто меня не останавливает. Но, оказавшись на улице, я не знаю, что делать и куда идти.

Я сажусь на скамейку и беру телефон, а руки у меня дрожат. Джейку я позвонить не могу. Насчет этого – не могу. Но кто тогда остается? В голове пусто, будто детектив Уилер взяла ластик и стерла все, что там было. Весь свой мир я построила вокруг Джейка и теперь, когда этот мир рассыпался, слишком поздно понимаю, что надо было иметь при себе еще и других людей, которым было бы не все равно, что полицейский детектив с немодной прической и в

скромном костюме только что обвинила меня в убийстве. И когда я говорю «не все равно», то имею в виду не причитание: «Боже мой! Вы слышали, что случилось с Эдди?!»

Не все равно было бы маме, но сейчас мне не выдержать ее презрение и осуждение.

Я пролистываю свои контакты на букву «Э» и нажимаю на имя. Это моя единственная надежда, и когда трубку снимают, я мысленно возношу благодарственную молитву.

– Эш? – Как-то я сумела не заплакать, услышав ее голос. – Мне нужна твоя помощь.

Купер

Воскресенье, 30 сентября, 14.30

Когда детектив Чанг показывает мне неопубликованную страницу «Про Это», я сперва читаю о других. Бронвин меня потрясла, Нейт – ни капли, кто такой этот «Т. Ф.», с которым предположительно закрутила Эдди, я понятия не имею и почти уверен, что сейчас будет про меня. При виде моих инициалов сердце у меня бьется чаще.

«Потому что показатели К. К. слишком резко выросли за сезон отбора».

Уф. Пульс у меня замедляется, я выпрямляюсь на стуле. Не этого я ожидал.

Хотя, наверное, не должен был удивиться. Слишком много я прибавил и слишком быстро – даже скаут от «Падрес» сказал что-то в этом духе.

Детектив Чанг какое-то время кружит вокруг этой темы, делая намеки, пока наконец до меня не доходит: он считает, что мы спланировали это вчетвером, чтобы не дать Саймону выложить пост. Я пытаюсь себе представить, как мы с Нейтом и двумя девушками планируем убийство арахисовым маслом в штрафном классе мистера Эйвери. Такая глупость, что даже кино хорошего не снимешь.

Я понимаю, что слишком долго молчу.

– Мы с Нейтом до прошлой недели вообще не общались, – произношу я наконец. – И уж точно я никогда не говорил на эту тему с девушками.

Детектив Чанг наклоняется ко мне над столом.

– Ты хороший парень, Купер. История у тебя до сих пор безупречная, перед тобой блестящее будущее. Ты сделал одну ошибку и попался. Да, это пугает, понимаю. Но сейчас еще не поздно поступить правильно.

Я не очень понимаю, о какой ошибке он говорит: о моем предполагаемом допинге, предполагаемом убийстве или о чем-то, чего мы еще не обсуждали. Но пока я, насколько знаю, ни на чем еще не *попался*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.